Дом малых теней

Автор:
Адам Нэвилл

Дом малых теней

Адам Нэвилл

Мастера ужасов

Красный Дом – особняк покойного М. Г. Мэйсона, гениального кукольника и таксидермиста. Потомки почти забыли о нем, но теперь наследники решают продать работы Мэйсона, и его творения вновь выйдут на свет. Оценить коллекцию приезжает сотрудница аукционного дома Кэтрин Говард. Увидев изысканные и зловещие диорамы художника, посвященные ужасам Первой мировой войны, и странных кукол, она понимает, что перед ней настоящее сокровище, которое может принести миллионы. Но в Красном Доме таится немало секретов столь же мрачных и темных, как собственное прошлое Кэтрин. По ночам поместье оживает, здесь слышатся странные шаги, а на лестницах видны непонятные тени. К тому же в истории самого Мэйсона и его творений кроется что-то страшное, и вскоре границы между реальностью, безумием и кошмаром начинают рушиться, а жизнь Кэтрин изменяется навсегда.

Адам Нэвилл

Дом малых теней

Adam Nevill

House of Small Shadows

© Adam Nevill 2013

© Дмитрий Прияткин, перевод, 2018

© Григорий Шокин, перевод, 2018

© Валерий Петелин, иллюстрация, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Посвящается Джеймсу Марриоту

1972–2012

Моему первому редактору, благодаря которому я стал писателем, верному читателю моих первых черновиков, собрату по любви ко всему странному и замечательному другу на протяжении пятнадцати лет. С кем теперь ворошить мрак, что царит в моей голове? Тоскую по тебе, друг мой, и всегда буду тосковать.

Соединяя собственную сущность с сущностью своей прекрасной комнаты, ища с нею взаимодействия, он, быть может, взращивал свое собственное привидение – и даже не мог уразуметь, что подобная метаморфоза уже могла иметь место в прошлом…

Оливер Онионс. Манящая своею красотой[1 - Английский писатель. Уроженец Йоркшира, окончил художественное училище, работал книжным дизайнером и иллюстратором. Автор около сорока детективных, исторических и мистических произведений, из которых наиболее известна повесть «Манящая своею красотой» (The Beckoning Fair One, 1911), считающаяся едва ли не самой лучшей англоязычной «историей о привидениях».]

Глава 1

Кэтрин явилась в Красный Дом словно во сне. Она оставила машину на пыльной дороге – живая изгородь полностью перекрывала проезд – и отправилась пешком через узкий проход между кустами боярышника и лещины туда, где виднелась островерхая крыша с красными кирпичными трубами и цветочными орнаментами на остром коньке.

Не по сезону теплый ветер прилетал с близлежащих лугов и стелился у ее ног по рассохшейся земле, принося с собой благоуханные ароматы неведомых цветов. Сонная, едва ощущая гудение, исходящее от желтых луговых цветов и полевых летних трав, высоких и буйных, Кэтрин затосковала по времени, в котором, может быть, жила и не она, а кто-то другой, и представила себе, что переносится в другую эпоху.

Когда она, пройдя вдоль кирпичных стен английской кладки[2 - Вид кирпичной кладки, при котором на лицевой поверхности каждые два тычковых ряда разделяются двумя или более ложковыми.], окружавших сад и поросших плющом по всей ширине, вышла к черным воротам, прилив романтических чувств настолько сразил ее, что у нее закружилась голова. Но вот перед Кэтрин открылся вид на дом и полностью овладел ее вниманием.

Ей сразу же показалось, что дом в ярости от того, что его побеспокоили: он словно встал на дыбы, увидев незнакомку между стойками ворот. Трубы-близнецы – по одной на каждое крыло – походили на руки, воздетые к небу и царапающие воздух. Крыши, выложенные валлийской шиферной плиткой и увенчанные железными гребнями, ощетинились, точно шерсть на собачьем загривке.

Все линии дома устремлялись в небеса. Два крутых фронтона и арка каждого окна взывали к небу, громадное здание словно было маленьким собором, возмущенным своим изгнанием в хирфордширское захолустье. И, хотя оно более ста лет прозябало в глуши посреди невозделанных полей, его стены из аккрингтонского кирпича[3 - Имеется в виду красный твердый кирпич из аккрингтонской глины, содержащей окись железа.] сохранили свой гневно-красный цвет.

Но если приглядеться и представить себе, что многочисленные окна – от высоких порталов первых трех этажей до узких слуховых окошек чердака – это ряды глаз, то казалось, дом смотрит куда-то мимо нее.

Будто не замечая Кэтрин, множество глаз глядели на что-то, находящееся позади нее. Впечатление взора, устремленного вдаль, создавалось многоцветными каменными архитравами над окнами. Но то неведомое, на что они так долго и со страхом взирали, ввергало еще в больший трепет, чем само здание. И, может быть, та безмолвная ярость, которую Кэтрин усмотрела в облике Красного Дома, была на самом деле испугом.

Особняк выглядел явным чужаком в здешних краях. При его строительстве почти не использовались местные материалы. Этот дом возводил кто-то очень богатый, способный оплатить и привозные материалы, и профессионального архитектора ради того, чтобы воплотить в камне некое видение, вероятнее всего, задуманное по образу и подобию какой-нибудь усадьбы, восхитившей владельца в Европе, возможно во Фландрии. Почти наверняка здание относилось к так называемому «готическому Возрождению» времен долгого царствования королевы Виктории.

Красный Дом и ближайшую деревню под названием Магбар-Вуд разделяли две мили – холмы с редкими вкраплениями лугов, из чего Кэтрин сделала вывод, что поместье когда-то принадлежало крупному землевладельцу, заметно расширившему свои владения благодаря законам об огораживании[4 - «Законами об огораживании» называют издававшиеся в Англии в конце XV–XVI вв. законы, направленные против бедняков и малоимущих крестьян. Согласно им, земли последних могли быть отчуждены в пользу богатого землевладельца, а самих крестьян определяли в «рабочие дома», где те становились фактически рабами, работающими за паек.] и явно любившему уединение.

До Красного Дома Кэтрин добиралась через Магбар-Вуд и теперь задалась вопросом: а возможно ли, что в приземистых деревенских домах некогда жили арендаторы хозяина этого необычного особняка? Но то, что деревня не расширилась до границ территории поместья, а близлежащие поля стояли заброшенными, было необычно. Когда ей доводилось выезжать по своим оценочно-аукционным делам в загородные особняки, настоящие луга ей почти не попадались. А вот Магбар-Вуд и Дом опоясывали, подобно крепостному рву, две квадратные мили дикой природы.

Труднее было признать то, что прежде она вообще не знала об этом месте. Она чувствовала себя как бывалый турист, внезапно обнаруживший новую гору в Озерном Крае[5 - Имеется в виду озерный заповедник в Северо-Западной Англии, основанный в 1951 году.]. Этот дом представлял собой настолько уникальное зрелище, что дорогу к нему следовало бы оснастить соответствующими указателями – или хотя бы нормальный подъезд сделать.

Кэтрин внимательно посмотрела себе под ноги. Это и дорогой-то назвать нельзя, так, полоска глины и щебня. Казалось, Красный Дом и семейство Мэйсонов хотели, чтобы никто их не обнаружил.

Приусадебная территория тоже знавала лучшие времена. Перед фасадом особняка был когда-то разбит палисадник, но теперь в нем хозяйничали крапива, плевел и колючие луговые цветы, и густые заросли кустарника теснились в тени здания и садовых стен.

Вокруг Кэтрин вилась стайка жирных черных мух, норовя усесться на неприкрытые руки, и она поспешила к крыльцу. Но вскоре, судорожно вдохнув, замерла; пройдя полпути по останкам центральной дорожки, она увидела в прямоугольном, с крестообразным переплетом окне второго этажа лицо: оно прижалось к стеклу в нижнем углу слева от вертикальной стойки. Маленькая ручка то ли помахала ей, то ли изготовилась постучать. А может быть, человечек в окне ухватился за вертикальную фрамугу, стараясь подтянуться повыше.

Она решила помахать в ответ, но не успела поднять руку, как человечек исчез.

Кэтрин не знала, что в доме живут дети. Согласно полученным указаниям, здесь проживали только Эдит Мэйсон, единственная оставшаяся в живых наследница М. Г. Мэйсона, и домоправительница, которая и должна была встретить Кэтрин. Но маленькое личико и ручка, сделавшая короткий взмах, определенно принадлежали ребенку – бледному, с чем-то вроде шляпы на голове.

Она не могла сказать, девочка это или мальчик, но краем глаза успела уловить на мелькнувшем лице широкую веселую ухмылку, словно ребенку было приятно наблюдать, как она пробирается сквозь заросли в палисаднике.

Ожидая услышать топот маленьких детских ножек, бегущих по входной лестнице ей навстречу, Кэтрин внимательно посмотрела на пустое окно, а потом – на дверь. Но ничто не шевельнулось за темным стеклом, и никто не спустился, чтобы встретить ее.

Она продолжила путь ко входу, более уместному для церкви, нежели для жилого дома, пока мрачная тень от старого дуба не накрыла ее подобно громадному капюшону.

Одна створка громадных передних дверей, сделанных из шести панелей – четыре дубовых, две верхних из витражных стекол, – была открыта, словно провоцируя Кэтрин войти без приглашения. Через щель она увидела неосвещенный холл с бордовыми стенами. Погруженный в полумрак, он напоминал глотку, уходящую в бесконечность.

Кэтрин оглянулась на заросшие лужайки, и ей почудилось, будто стебли золотарника и кукушкиных слезок повернули свои маленькие дрожащие головки и безмолвно крикнули, предупреждая об опасности. Она сдвинула темные очки повыше, к волосам, и на мгновение подумала, не вернуться ли к машине.

– Дорожка, по которой вы прошли, была здесь задолго до того, как построили этот дом, – послышался надтреснутый голос из глубины холла. Женщина заговорила тише, словно обращаясь сама к себе, и Кэтрин послышалось, – никто не знал, что придет сюда по этой дорожке…

Глава 2

Неделей ранее

Все крохотные лица были обращены к дверям комнаты, когда она вошла.

Все бусинки стеклянных глаз уставились на нее.

Бог ты мой.

Кэтрин изумило даже не количество кукол и продуманная композиция, а то странное чувство предвосхищения, что как будто переполняло их. Ей показалось, что куклы долго ждали ее в темноте, словно гости на празднике-сюрпризе, устроенном для какого-то ребенка сто лет назад.

Оставаясь единственным живым существом в этой комнате, она замерла, словно манекен, и на пристальные взгляды со всех сторон отвечала таким же стеклянным взглядом. Если бы что-то здесь шевельнулось, она, скорее всего, вскрикнула бы, испугавшись своего голоса.

Но вот сиюминутное оцепенение прошло, и она поняла, что более ценной коллекции антикварных игрушек ей не доводилось видеть за годы работы оценщицей, продюсером телевизионных передач об антиквариате и даже хранителем-стажером в Музее детства.

– Эм… Мистер Дор? Это Кэтрин. Кэтрин Говард.

Никто не ответил. А ей хотелось, чтобы ответили. Уже одно то, что она вошла в комнату без разрешения, было весьма неловко.

– Сэр? Это Кэтрин из аукционного дома Осборна. – Она сделала еще шаг. – Сэр? – она повторила совсем тихо, поскольку уже поняла, что больше никого здесь нет.

Дверь ванной была открыта. Там, в тесной желтой каморке, было пусто. В сильно поцарапанном шкафу из орехового дерева остались только вешалки. Стопка пожелтевшей бумаги и на скорую руку приготовленный холостяцкий завтрак занимали край журнального столика.

Жилое пространство комнаты, похоже, никто, кроме кукол, не занимал. Многие из них были выложены на кровать с медным каркасом, старую, как и все в этом доме, на первозданную белизну пухового одеяла ручной работы. Над изголовьем висела гравюра в рамке, изображавшая старинную церковь с ухоженным двориком.

Помимо кукол, единственным предметом, принадлежащим законному опекуну коллекции, был, надо полагать, чемодан. Кроме того, между кроватью и окном стоял большой кожаный сундук. На его крышке рядком восседали еще куклы,

свесив ножки с бортика. Сундук был старый, добротный, филигранной выделки. Вычурные, давно уж потерявшие цвет тюлевые занавески на единственном окне приглушали тусклый дневной свет и создавали должный фон для кукольных фигурок, словно все это было лишь старой фотографией. Даже в мягком кресле по соседству со столом сидела кукла, самая роскошная из всех.

Кэтрин не стала закрывать дверь на случай, если вернется мистер Дор, адвокат семьи Мэйсонов, уполномоченный обсудить с ней проведение аукциона их «активов в виде антиквариата». В письме Эдит Мэйсон больше ничего не упоминалось.

Кэтрин решила, что мистер Дор куда-то ненадолго вышел, но что-то его задержало, хотя в Грин-Уиллоу она не заметила ни паба, ни какого-либо другого общественного заведения. Даже отыскать Грин-Уиллоу оказалось делом весьма и весьма непростым. Не считая крошечной гостиницы «Флинтшир», деревня состояла-то из группы каменных домов, закрытого почтового отделения да автобусной остановки, поросшей сорняком. Ни одной машины Кэтрин здесь не увидела. Она вновь посмотрела на часы – и тут из крошечного закутка внизу послышался голос мужчины, бывшего здесь за администратора; он велел ей идти наверх. Не отрывая глаз от каких-то записей, передал ей ключ. Вид у этого тощего старика был такой, словно он слишком устал от привычных ему толп гостей, что имеют наглость ломиться в его крохотное заведение на самом краешке границы между Монмутширом и Хирфордширом. Кэтрин, знакомая с любопытством местных старожилов по поводу ее разъездов по глухим уголкам, задержалась у миниатюрной стойки и спросила:

– Мистер Дор там, наверху?

Старый администратор за стойкой ничего не ответил, лишь раздраженно фыркнул и качнул облезлой головой, не отрываясь от чтения.

– Тогда я поднимусь.

Встреча с потенциальным клиентом в номере отеля была также первой в ее практике, но после непродолжительного опыта работы в качестве оценщика у Леонарда Осборна она обнаружила, что все чудаки и потомки чудаков от Шропшира до Хирфордшира, валлийской границы, Вустершира и Глостершира, которые пользуются услугами фирмы для продажи на аукционах содержимого

своих домов и чердаков, давно запечатанных от современного мира, стали для нее явлением не столь уж необычными. В списках у Леонарда было много публики с причудами. Она уже стала думать, что других у него и нет.

Ее начальство, похоже, притягивало к себе все странное. Или же о нем существовала какая-то давняя молва. С этим Кэтрин еще предстояло разобраться, потому что за год работы в его фирме Леонард ни разу не рекламировал их услуги. Офис занимал всего две комнаты здания в Литтл-Малверне. Узнать об их конторе можно было только по одной-единственной латунной табличке перед входом. Этот офис Леонард занимал с 60-х годов, и лишь благодаря Кэтрин в нем появились компьютер и интернет (тут снова следовало удивиться: откуда же Леонард получал так много заказов?). В любом случае семья Мэйсона и их поверенный, мистер Дор, похоже, намеревались сохранить эту тайну.

Усевшись в кресло перед столом, Кэтрин бережно прижала к себе куклу, место которой заняла. От соломенной шляпки исходил женский цветочный аромат не то духов, не то антимоли – смесь розы, жасмина и лаванды. С первого взгляда она предположила, что кукла – оригинал от Пьеротти, династии модельеров по воску, и находится в почти идеальном состоянии, хотя и была сделана примерно в 1870-м. Чудесным образом голова и конечности сохранили персиковый телесный оттенок. Кудрявые волосы в манере Тициана и брови над грустными глазами были сделаны из мохера. Под платьем, сшитым – она точно знала! – для настоящего младенца, Кэтрин усердно проверила другие признаки подлинности. Туловище было из ситца, набитого конским волосом, плечевая планка вшита в туловище, бедра соединялись швом. Кукла была подлинной.

Кэтрин еще пять минут подождала мистера Дора. В номере не было телефона, чтобы связаться с портье, и она подумала, не стоит ли спуститься по узкой лестнице и осведомиться, куда мог пропасть адвокат. В конце концов, не мог же профессионал своего дела оставить состояние в добрых триста тысяч фунтов стерлингов на попечение какой-то незнакомки!

Кэтрин усадила куклу обратно в кресло. Она знала двух коллекционеров и один музей, которые сразу достанут чековую книжку, как только увидят ее фотографию куклы Пьеротти. В ногах появилось такое ощущение, будто они и вправду дрожат от волнения. Но радость от находки омрачалась легким замешательством.

На просмотре настояла женщина по имени Эдит Мэйсон, потенциальный клиент. Кэтрин никогда о ней не слышала, но Леонард явно имел с ней дело в прошлом. А вот насчет М. Г. Мэйсона, дяди Эдит, Кэтрин была очень даже в курсе. Этот человек считался величайшим таксидермистом в Англии. Леонард утверждал, что Мэйсон был также искусным кукольником, однако Кэтрин, занимаясь антиквариатом, знала только о чучелах. Воочию она не видела ни одной из его легендарных работ, но фотографии того немногого, что пережило чистки 60-х, мимо нее не прошли. Примечательно, что в то же десятилетие оборвалась и долгая жизнь самого Мэйсона – он покончил с собой. И больше Кэтрин почти ничего не знала.

На этом просмотре она ожидала увидеть несколько полевых мышей, возможно горностая, вмонтированного в авторскую диораму М. Г. Мэйсона, но никак не куклу Пьеротти в идеальном состоянии и в окружении множества столь же безупречных старинных кукол. Кэтрин предположила, что они, должно быть, собственность племянницы и наследницы, которой сейчас уже под сто.

Кэтрин стала рассматривать четырех кукол на столе, похожих на кукол Брю с их фирменными большими стеклянными глазами и младенческими личиками. На раскрашенных бисквитных головках – никаких царапин, стеклянные глазищи в рабочем состоянии, а мохеровые парички идеально ухожены. У кукол были крошечные выпуклости сосков и суставы с боковой фальцовкой, позволяющие двигаться пухленьким набивным ножкам. Все одеты в костюмы своей эпохи, а тела под костюмами были замшевые. Так что, вне всяких сомнений, – детки Брю. Предплечья и ладошки изысканной формы, без повреждений и сколов на суставах. Комплект тянул на 50 тысяч, не меньше.

– Ну нет. Это уж слишком!

Затем она бережно осмотрела элегантную «мануэлиту» из серии мадам Жеслянд и пять французских кукол Жимо фасона 1870-х, сидящих на кровати. Немецкий фарфор их тщательно сконструированных головок был в первозданном состоянии. На сундуке рядком сидели «девчушки Готье» с вращающимися головками, в шелковых халатах и кожаных ботиночках с настоящими застежками, с сияющими стеклянными глазами, изготовленные немецкими мастерами, давно унесшими в мир иной секреты своего ремесла.

Чтобы успокоиться, Кэтрин отпила из своей бутылочки с водой. Леонард просто в обморок упадет, когда она покажет ему фотографии того, что само приплыло к

ним в руки. А если верить письму Эдит Мэйсон, это все – лишь «образцы», «малая часть коллекции».

Вспышки камеры Кэтрин наполнили комнату ослепительно белым светом, мрачный гостевой домик будто поразила молния. Забыв о минутах и часах, она фотографировала каждую куклу во всевозможных ракурсах.

Мистер Дор по-прежнему блистал своим отсутствием.

Убедившись, что она ничего не упустила, Кэтрин собрала свои заметки и камеру, выключила свет и заперла на ключ дверь в это царство кукол. Внизу Кэтрин долго звонила в колокольчик в тщетных попытках вызвать старика, который, вероятно, и был владельцем гостевого дома. Пришлось оставить ключ на стойке. Уже на крыльце она увидела на входной двери табличку «ЗАКРЫТО». Старый хозяин, должно быть, забыл про свою гостью и Бог знает куда ушел.

Кэтрин задалась вопросом – есть ли у Эдит Мэйсон страховка, покрывающая стоимость коллекции старинных кукол (полмиллиона фунтов по оценке самой Кэтрин), оставленных без присмотра в номере жалкой лачуги, которую и в интернете-то не найти?

Глава 3

Прежде чем вернуться в Литтл-Малверн и рассказать Леонарду об уникальной находке, Кэтрин сделала крюк до места, когда-то хорошо ей знакомого – Эллил-Филдс, или Пекла, деревни между Грин-Уиллоу и Хирфордом, где она промучилась первые шесть лет своей жизни. С тех пор она там больше не появлялась – и всячески старалась забыть это место. В те годы в деревне похитили, возможно даже убили, ребенка, которого она хорошо знала. Это было лишь частью того мира, который она закрыла для себя на тридцать два года. Ей становилось дурно при одной мысли о возвращении туда. Когда выпадали рабочие визиты в Хирфордшир, она специально не замечала эту часть страницы в дорожном атласе.

Ей снова предстояло встретиться с давними переживаниями, о которых знали только ее психотерапевты и родители. Сегодня утром, просто проезжая вблизи Пекла на пути в Грин-Уиллоу, Кэтрин почувствовала, что попадает в ловушку или даже в капкан, уготовленный самой судьбой, который ей до сей поры удавалось миновать. Психотерапевты же внушали ей, что, вернувшись на место давних событий, она убедится, что ничего страшного там нет, как нет и почвы для ее детских страхов, мучительных и чересчур затянувшихся.

Один терапевт, величавший себя когнитивным бихевиористом, учил ее бороться со вспышками паранойи. В этот раз она могла опробовать его метод на практике. За совпадением редко скрывается заговор, так ведь? Кэтрин знала, что ее отношение к «родной земле» излишне подвластно сиюминутным чувствам. И еще одна деталь – теперь Пекло, затаившееся в дальнем уголке памяти, разгоралось в сознании лишь тогда, когда в новостях всплывали очередные трагические сюжеты о пропавших детях и жестоких издевательствах над ними.

Но сегодня, вопреки наставлениям, своим и чужим, впервые с тех пор, как она начала работать на Леонарда Осборна, ей захотелось, чтобы ее босс не был прикован к инвалидной коляске. Ведь тогда он смог бы лично осмотреть коллекцию Мэйсонов, а она – удержать Пекло на расстоянии.

К тому же Леонард был крайне воодушевлен перспективами новой сделки – таким она его прежде не видела.

– Какая же яркая звезда нам светит, – бормотал он. – Если у Эдит остались работы ее дяди, о нас даже в газетах напишут. И не в местных, заметь! Помнишь, я тебе славу сулил? В Лондоне бы ты такого не получила.

Бегство редко приносит радость или хотя бы удовлетворение, и, вспоминая свой отъезд из Лондона, Кэтрин все еще сгорала от стыда, а то и тряслась в паническом ознобе. Она вновь и вновь переживала в памяти тот инцидент, который разрушил ее профессиональную карьеру в столице, и эти воспоминания истощали ее душевные силы. И лишь полтора года назад, добравшись до родительского дома в Вустере, за восемнадцать месяцев до этого, она почувствовала, что ни лондонские недруги, ни прискорбная репутация, от которой она сбежала, ее больше не настигнут. Но день в Грин-Уиллоу и ее теперешняя поездка в Эллил-Филдс вынудили признать, что, покинув Лондон и вернувшись домой, она вновь приблизилась к местам, где прошел самый

несчастный период ее жизни – детство. Как будто ее тянул сюда один из тех неосознанных порывов, которые психотерапевты столь мудро обозвали одним из базовых элементов ее жизни.

Кэтрин пыталась сосредоточиться на дороге, но вновь и вновь задавалась вопросом, было ли несчастное детство причиной того, что она отправилась учиться в Шотландию, а после окончания университета работала еще в трех отдаленных городах. Что она провела всю свою взрослую жизнь, спасаясь бегством из Пекла.

Но в нем-то ты в итоге и оказалась, девочка.

Она свернула на Трассу А1, ведущую в Эллил-Филдс, и тут же ее сознание, словно дымом, заполнилось неряшливым коллажем из воспоминаний, реальных и тех, что остались от фотографий в семейных альбомах. Из этого беспокойного водоворота вдруг всплыл страх такой силы, что у нее перехватило дыхание.

Но в то же время Кэтрин не могла отрицать, что в возвращении туда была и толика приятного волнения, совершенно безрассудного. В душе теплилось смутное желание вновь соприкоснуться с чем-то странным, но спасительным, что хоть немного облегчало ее жизнь в детские годы.

Глава 4

Кэтрин стояла на краю заправочной площадки, которой во времена ее детства не было. Она узнала только горбатый мостик через мелкий ручей с темной водой. Когда она была маленькой, это называлось рекой. С тех пор мост перестроили, сделав более пологим и широким, и теперь здесь часто проносились грузовики, дребезжа и поднимая клубы пыли.

Магазинчика, где бабуля покупала ей десятипенсовый набор конфет в белом бумажном пакетике, больше не было. Исчез и пластмассовый мальчик с коробкой для пожертвований в руках, стоявший перед магазином со своим не менее пластмассовым спаниелем. В любую погоду он был на своем посту рядом с тусклым рекламным щитом фруктового мороженого «Уолл», от которого у крохи

Кэтрин слюнки текли. Иногда ей разрешали положить в эту коробку монетку в полпенни.

Кэтрин задумалась о том, что же сделалось со всеми теми игрушечными сборщиками подати, стоявшими со своими побитыми непогодой пластиковыми собаками у кондитерских. На месте магазинчика теперь была стоянка заправочной станции.

Рядом с газетным киоском раньше находились аптека и магазин одежды. Желтый целлофан за их витринами напоминал ей о шоколадных конфетах «Кволити-стрит», появлявшихся на Рождество. В аптеке она обзавелась своими первыми круглыми очками в черной оправе – малоимущие получали эту модель бесплатно по программе министерства здравоохранения. До того как такие очки начнут считаться стильными, оставалось три десятилетия. А вот когда ей действительно пришлось носить их, мода была не на ее стороне.

А в магазине одежды ей купили первую пару школьных ботинок. При одном воспоминании о них у нее дыхание сперло. Уже не в первый раз Кэтрин была в шоке от того, что хранилось в ее памяти.

Сандалии такого фасона носили немногие, а не нравились почти никому. Они были коричневые, работы фирмы Кларкс. Теперь, как и очки, такая обувь сделалась популярной. Уверенность взрослых в магазине, что сандалии – правильная покупка, придала ей такую же уверенность в момент приобретения. Но, притащив домой коробку с этими страхолюдинами, утопающими в оберточной бумаге, Кэтрин подумала о предстоящем учебном годе и о том, что ждет ее в школе, и от этих мыслей в желудке возникла давящая, холодная, гулкая пустота, и никакая еда не могла ее заполнить.

Предчувствия по поводу сандалий оказались правильными, в итоге она возненавидела их. Кэтрин пробовала разрезать их ножницами, но в итоге только явилась в школу в испорченной обуви. По выходным она гуляла в тех же сандалиях, и новость о том, что кое-кто, не стесняясь, носит школьную обувь по субботам, быстро облетела весь двор. Дети решили, что девочка ходит в таком виде, потому что она – приемная.

Где твои родители? Они отказались от тебя, потому что ты уродина?

В этом мрачном бетонно-гудронном коробе, где томилось в заточении ее детство, ей постоянно мерещились язвительные крики детворы, один за другим

Нищая! Оборва! Нищая! Оборва!

Какое из прозвищ больше жгло стыдом и унижением, Кэтрин так и не решила, но эхо тех слов ранило до сих пор.

Редкое сочувствие, которое Кэтрин порой встречала у своих сверстников, вряд ли могло помочь ей. Например, однажды девочка на детской площадке по имени Алиса Гэлловэй спросила у Кэтрин: «Каково это, не иметь настоящих мамы и папы? Я бы такого врагу не пожелала». Алиса носила на одной ноге большой коричневый сапог для исправления ее странной развинченной походки. Этот сапог и пустая глазница, прикрытая марлевым тампоном, спасали Алису от физического насилия, но не от оскорблений. Возможно, поэтому девочка увидела в маленькой Кэтрин человека, с которым она может поговорить.

Кэтрин вспомнила, как во время семейного отпуска в Илфракуме, бросая монетки в фонтан и потом задувая свечи на именинном торте-мороженом, она загадала стать такой же инвалидкой, как Алиса. Ее приемная мать даже расплакалась, когда Кэтрин со всей искренностью поведала ей о таком желании на свой день рождения. А бедный отец и вовсе заперся в гараже на весь день. Так что Кэтрин больше никогда не говорила ничего подобного. Самое худшее, с чем Алисе пришлось столкнуться, – собачий кал, упакованный в фольгу и обертку от «Милки-Уэй» и врученный ей под видом шоколадки группой девчонок из соседней школы.

Бог ты мой. Кэтрин опустила голову, глядя на унылую дорогу. Проезжую часть расширили, но Кэтрин казалось, что все острые камни ее детства так и валяются, никем не убранные, вдоль обочин. Кто в те времена считал детскую травлю чем-то серьезным? Возможно, бабуля, которая убедила ее приемных родителей ради Кэтрин уехать из Эллил-Филдс после исчезновения Алисы Гэлловэй. Из-за переезда в Вустер Кэтрин пришлось расстаться с бабулей. Этот шаг разбил сердца обеим.

Эх, бабуля… Возле забитой транспортом дороги глаза Кэтрин защипало от слез. Она шмыгнула носом и огляделась, не смотрит ли на нее кто-нибудь в авторемонтной мастерской. Потом вернулась к своей машине на площадку

заправочной станции.

За заправкой «Шелл» начинался новый жилой массив красного кирпича: он занял собой все пространство, которое прежде называлось Лощиной, простой пустырь, поросший кустарником. Там было много мусора и колючей ежевики, взрослые не столько выгуливали там собак, сколько отпускали побегать, из-за чего Лощина всегда была порядком изгажена, но местные дети все равно в охотку гоняли по узким тропкам на своих велосипедах и сиживали на двух виниловых автомобильных креслах, выброшенных кем-то через забор.

Сохранив в памяти этот мост как ориентир, она проехала через местность, где раньше была Лощина и маленькая молочная ферма за ней. Пока Кэтрин не было, на месте фермы тоже выросли новые жилые дома; вскоре она уже ехала по низине, где раньше был бесконечный заливной луг. Только самые отчаянные дети забирались туда – из-за огромных коров и страшилок про детишек, насаженных на бычьи рога. Однажды во время Серебряного юбилея луг даже сделали доступным для местного населения. Она видела фотографии самой себя – младенец в сидячей коляске, украшенной британскими флагами.

Новый жилой массив на месте Лощины и прилегающего к ней луга состоял из одинаковых четырехкомнатных домиков с тремя спальнями, расположенных «кармашками». Теперь возле них не играли дети. Слишком много окон в каждом доме смотрели на соседний дом. Когда Кэтрин съехала с дороги и остановилась на пустом тротуаре, окна по обеим сторонам дороги заставили ее почувствовать себя уязвимой и маленькой. Как ни странно, дорожное покрытие выглядело совершенно новым.

На западном краю жилой застройки она остановилась на парковочной площадке автомагистрали. Исчезли ряды бетонных зданий в потеках ржавчины вокруг сливных труб и пятнах сажи возле водостоков – те, где жила бабуля, стоявшие в зарослях травы, вечно продуваемой всеми ветрами. Теперь там высился супермаркет и еще одна заправочная станция, центр самообслуживания, большая парковочная площадка и три новые дороги, ведущие в иные, более привлекательные места.

Бабулина гостиная в коричневых тонах, с картиной, изображающей зеленоликую юную испанку, над газовым камином, похожим на передок старого автомобиля, ее пепельница на металлической подставке, темный велюровый диван, дверь с рифлеными стеклами, запах сигарет «Силк Кэт» и сосисок в тесте – всего этого

больше нет.

Горло Кэтрин сжал болезненный спазм, и она решила не заправляться на этой станции. Ей нужен был бензин, чтобы добраться до Вустера, но она заправится где-нибудь еще, по пути.

Она припарковалась на северном краю жилого массива. Старая река теперь текла по бетонному акведуку вдоль обочины. Там, где был когда-то берег, торчали однотипные деревянные заборы, ограждающие частные садики. Что осталось здесь со времен детства Кэтрин? Только горбатый мост у заправки «Шелл».

Ее старая «берлога» находилась, кажется, по ту сторону садовых заборов. До шести лет «берлога» на самом дальнем краю поля при молочной ферме, которую она делила с Алисой Гэлловэй, была одним из немногих волшебных мест в ее жизни. Пока Алиса не пропала, а семья Кэтрин не переехала, «берлога» была единственным убежищем для нее и Алисы в Эллил-Филдс. И теперь оно так близко… Слезы сами собой наворачивались на глаза.

Они с Алисой узнали, как обойти луг с коровами и выйти к мелкой речке, что струилась между тенистых берегов, укрытых палой листвой и ветвями, нависавшими над водой. Такое вот убежище – вполне себе приемлемое для тех времен, когда дети носились где угодно и большую часть времени проводили на свежем воздухе.

Никто так и не узнал, куда летом восемьдесят первого пропала бедная Алиса, но Кэтрин одно время думала, что ее подруга нашла новое убежище в каком-то другом месте. Такую возможность, кстати, подсказала сама Алиса, но только спустя три месяца после своего исчезновения.

О, как они все взбесились от одной мысли о том, что она снова ее видела. Вспоминая истерику матери Алисы на родительской кухне, как та рвала на себе волосы, отчего сделалась похожей на Кэтвизла[6 - Кэтвизл – персонаж британского комедийного телешоу для детей, злой волшебник, сыгранный Джеффри Бэйлдом, умевший превращаться в воду и путешествовать во времени.], только краснолицего, Кэтрин до сих пор временами испытывала стыд. И эту сцену так и не забыла и до сих пор не простила себе.

К тому же она давно уже сама не верила, что действительно видела Алису после ее исчезновения. А в детстве верила – как и в то, что подруга в тот день пришла за ней. И почти все оставшееся детство Кэтрин даже жалела, что не воспользовалась возможностью уйти с ней, отправиться куда-то, где всяко лучше.

На берегу, противоположном от их «берлоги», раньше стоял забор с колючей проволокой, огораживающий территорию спецшколы. Школа специального образования Магнис-Берроу пустовала, когда Кэтрин жила в Эллил-Филдс тридцать лет назад, поэтому для нее не стало неожиданностью то, что здание вместе с пристройками снесли подчистую.

Прежде холмики, поросшие травой и усыпанные лютиками и одуванчиками, образовывали пологий склон, на котором стоял ряд домов из красного кирпича с окнами, забитыми фанерными досками. А теперь даже эти крошечные холмики сровняли с землей, чтобы проложить дорогу для акведука и еще одного шоссе. Всякий раз, когда маленькая Кэтрин спрашивала о пустой школе рядом с полем фермера, родители и бабуля отвечали ей по-разному, причем бабуля явно испытывала неловкость от этих ответов.

Там раньше был дом для детей-инвалидов. Даунов. Знаешь, это такие дети, которые сами стареют, а лица остаются детскими.

Те дети, что родились уродами из-за того, что их матери принимали талидомид. Их век очень короток, сама знаешь.

Дети в инвалидных колясках или ортопедических скобах.

Как тот пластиковый мальчик у кондитерской, который собирал монетки? Как Алиса? – спросила она тогда. А имела в виду как я?

Мамы родили их слишком поздно.

У них с головой немного не в порядке.

Кто-то из них пропал без вести, так что не ходи туда, сама чего доброго сгинешь.

Ныне воспоминания об этих словах поднимали в душе волну отвращения. Но, помимо веры в неожиданное возвращение Алисы в «берлогу», через три месяца после исчезновения маленькая Кэтрин считала, что и некоторых из особенных детей оставили в заброшенной школе.

Она часто видела их в покинутых зданиях и верила, что они реальны… Хотя в то же время немножечко не реальны, как, впрочем, и многое в ту пору. Когда Кэтрин была уже подростком, психологи и врачи убедили ее согласиться, что эти «галлюцинации» – всего лишь одно из проявлений несчастного, проблемного, детства.

Годы спустя она смирилась с тем, что дети были видениями, воображаемыми друзьями или хранителями. Почти так же образы и люди находят дорогу в наши сны откуда-то извне. Никто лучше Кэтрин не знал, насколько важно воображение для ребенка, особенно униженного и одинокого. Если твой единственный настоящий друг пропал без вести, ты просто придумываешь себе еще одного, нереального.

Ей, скорее всего, было шесть, когда она попыталась рассказать бабуле и родителям об особенных детях, брошенных в старой школе.

– Эти, кого ты видела, – просто шпана из Филд-Гроув, – сказал отец. – Окна они уже расколотили. Не надо тебе туда ходить. Держись оттуда подальше.

Дети из Филд-Гроув никогда не ходили пешком. Они разъезжали на велосипедах, а когда спешивались, как можно громче роняли их наземь. У них были сиплые голоса, рубашки навыпуск, красные рожи и недобрые глаза. Но к спецшколе можно было попасть только по периметру поля или же по длинному проходу до ворот, забранных колючей проволокой, причем ворота эти были всегда закрыты. Главный вход в заброшенную школу находился на шоссе, куда никаких детей на велосипедах не пускали.

Кэтрин ни разу не видела где-либо поблизости от спецшколы детей из Филд-Гроув, да и вообще кого-либо. Спецшкола и ее дети – это было только для нее и для Алисы. К тому же люди, которых она видела в покинутых зданиях, очень отличались от шпаны из Филд-Гроув. Откуда взялись дети в заброшенной школе, было одной из величайших загадок ее детства, но они, в отличие от большинства одноклассников, были добры к ней и Алисе.

Кэтрин сидела в машине, и память о той секции в школьном заборе, закрепленной между бетонными стойками, вернулась в сознание так ярко, что она физически ощутила, как сжимала пальцы в кулаки, наблюдая за тем, как Алиса карабкается по поросшему травой берегу к старым домам. Это был тот самый день, когда Алиса пропала.

Кэтрин сменила позу. Не поднимаясь с кресла, открыла окошко, стараясь ослабить неприятное ощущение; на девять десятых психологическую, на одну десятую – реальную сердечную боль. Старая рана, зажить которой не суждено.

Только когда Кэтрин сидела в «берлоге» одна, она была уверена, что видит детей по ту сторону проволочной ограды. Кэтрин смотрела сквозь нее, устроившись на скользком пне в окружении трех старых банок из-под краски, напоминающих барабаны, россыпи сухих цветов на опавшей листве (из них она собиралась сплести ковер) и пластмассового чайного сервиза, позеленевшего от слишком долгого пребывания на свежем воздухе. И только тогда, когда она переполнялась страданием настолько, что оно ощущалось физически, словно паротит, появлялись дети. Странно одетые дети, которых выпускали поиграть, когда стемнеет.

Она обычно чувствовала себя так в воскресенье днем, когда небо было серым, в воздухе висела морось и она промокала до костей. Затем шла домой на чай и тосты с бобами, которые не лезли в горло при мысли о том, что завтра в школу.

После бесед с полицией она больше не заговаривала об этих детях, кроме как в кабинете психотерапевта.

Но чем дольше она смотрела сквозь ветровое стекло на шоссе, на садовые заборы на границе жилого массива, на бетонную канаву, по которой теперь текла речка, и размышляла о преследовавших ее воспоминаниях, тем глупее и незначительней они выглядели. Она подумала: может быть, приезд сюда наконец-то избавил ее от их гнета? И, странное дело, казалось, что этот визит был и впрямь ей необходим.

Ее мысли перенеслись на сегодняшний вечер и на Майка, ее парня; перед глазами возник милый образ его чарующей улыбки. Хотя последние несколько недель с ним творилось что-то не то, она считала, что он и в самом деле с нетерпением ждет встречи с ней. И подумала о старом добром Леонарде за его

громадным столом, о том, как он привык во всем полагаться на нее, считал чуть ли не любимой племянницей. Месяц назад за обедом, где было многовато спиртного, он даже пустил слезу и принялся втолковывать ей, насколько она важна для его дела и как он хотел бы, чтобы она «продолжила его работу» после того, как его самого «выкатят в небо с этого большого аукциона».

Кэтрин подумала о своей квартирке в Вустере, такой бело-кремовой, такой спокойной… О месте, где она всегда чувствовала себя в безопасности. И нет больше никакого Лондона, где надо выживать, стиснув зубы. К тому же теперь у нее роскошная стрижка, которую нельзя недооценивать. Она была счастлива. Наконец-то. Вот такое оно, счастье, и теперь – это ее жизнь. Карьера, бойфренд, собственное жилье, здоровье. Лучше не бывает. А то, что случилось столько лет назад, – прошло. Ну и выкинуть из головы! Прошлое исчезло даже физически, залито битумом, заложено кирпичом и бетоном. Оно ушло и больше не вернется.

Кэтрин провела кисточкой вокруг глаз, проверила макияж в зеркало заднего вида. Шмыгнув, улыбнулась и решительно повернула в замке ключ зажигания.

Глава 5

– Ну, похоже, им не терпится поработать с тобой, ибо ты любезно приглашена не куда-нибудь, а в дом Мэйсонов, он же Красный Дом. В пятницу, обсудить проведение оценки. Это недалеко от Магбар-Вуд. Сможешь?

Леонард разворачивал письмо, настраивал настольную лампу, вынимал из футляра другие очки и делал это медленно и методично. Впрочем, таковы были все его административные телодвижения за рабочим столом. Та часть Кэтрин, которая по-прежнему функционировала по глубоко укоренившемуся лондонскому времени, и что-то намертво застрявшее в груди замерли и напряглись, поскольку эти долгие подготовительные ритуалы предшествовали простейшим задачам.

Но его тщательные ритуалы также вселяли уверенность. Потому что в конторе Леонарда Осборна в Литтл-Малверн жизнь текла без гонки, интриг и конкуренции. Никто тебя не подсиживает, никто не ходит в фаворитах. Перед встречами ей никогда не бывало дурно, а после них не случалось мучиться

бессонницей, кипя от ярости. До того как она уехала из Лондона, она окрепла в убеждении, что сама человеческая природа не позволяет существовать таким местам, как фирма Леонарда Осборна. Ближайшим аналогом выговора у Леонарда были кроткие увещевания вроде «Не баламуть воду» или «Эй, там, попридержи коней». Самые острые суждения о чудаках, с которым им приходилось иметь дело, он высказывал тепло и незлобиво. Леонард был добр по-настоящему, а это свойство она никогда не стала бы принимать как нечто само собой разумеющееся. В иные дни они с Леонардом только ели бисквиты, пили чай и болтали о том о сем.

Кэтрин повесила пальто на спину стула.

– Конечно могу. Чутье мне подсказывает, что это наш счастливый шанс, Лео.

Леонард улыбнулся через стол.

– Такой аукцион случается раз в жизни – тут ты, душа моя, права. Вот поживешь с мое, а все равно будешь потом доставать своего помощника этой историей. – Он провел рукой по волосам, а Кэтрин постаралась не таращиться в открытую на эту бессмысленную попытку пригладить непокорную прядь волос. Единственное, что не нравилось ей в боссе – вот эта вот жуткая седая накладка. Хотя и к ней она привыкла. На это ушло примерно полгода – чертов парик так сильно выбивался из образа мужчины, следующего безупречному стилю! Сидел он преотвратно – между тощим лицом Леонарда и передней кромкой фальшивой шевелюры виднелся зазор. Сегодня он опять напялил парик неправильно, будто специально выставлял себя на посмешище. Когда она пришла к Леонарду на собеседование, ей потребовалось несколько минут, чтобы собрать волю в кулак и перестать пялиться на его лже-волосы во время разговора.

– Знаешь, кукол даже приблизительно в таком состоянии я не видела со времен работы в Музее Детства. О, кстати, я должна им позвонить. Прощупать почву. У меня еще остались связи в Бетнал-Грин[7 - Музей Детства Бетнал-Грин, филиал Музея Виктории и Альберта в Лондоне.], возможно, они возьмут несколько штук. А в той комнате их было так много. У Мэйсонов есть даже Пьеротти в идеальной сохранности!

– Всему свое время. – Леонард пристально взглянул на нее: его водянистые глаза были обрамлены роговой оправой очков и густыми кустистыми бровями, на вид

жесткими, что ерш для чистки бутылок, и мало сочетающимися с париком. – Мы еще не подписали контракт. В семидесятых я продал кое-какие работы ее дяди, и должен сказать, Эдит Мэйсон устроила мне тогда веселую жизнь. Причем еще до того, как я смог увидеть то, что она хотела продать. Одну из диорам М. Г. Мэйсона: крысы, все в белом, играют в крикет. Никогда ничего подобного не видел. Судьями были полевые мыши, а смотрителем поля – горностай. А видела бы ты павильон! Абсолютное великолепие. Хотя, насколько я понял со слов Эдит Мэйсон, ее дядя так и не оправился после войны. Ты знаешь, что он покончил с собой?

Кэтрин кивнула:

– Читала где-то.

– Перерезал себе горло опасной бритвой.

– Господи.

Леонард вздохнул и покачал головой:

– Да, ужасные дела. Из его наследия почти ничего не выставлялось на торги, так что я очень заинтригован, что еще, помимо кукол, Эдит припрятала в тех завалах, где она обитает. Хотя после странного отсутствия мистера Дора на просмотре рискну предположить, что Эдит Мэйсон ни на йоту не изменила тактику со времени нашей мимолетной сделки. Я удивлен, что она вообще помнит меня.

– В той комнате было полно всего интересного.

– Думаешь, ей стоит предложить нам еще что-нибудь?

– То, что я видела, попадет на телевидение, Леонард. Там на выставку хватит. И если к этому мы сможем заполучить работы Мэйсона, то… Наследство Поттера ушло за миллион.

– А Поттер Мэйсону в подметки не годился. Но мы справимся, Китти. Наша фирма как-то продала с молотка содержимое целого замка.

Кэтрин рассмеялась. Леонард тоже начал улыбаться и хихикать.

– А чайку не заваришь ли? Мне, видишь ли, сидеть больше нравится. – Леонард постучал по подлокотникам коляски.

– Прекрати! – ей не хотелось смеяться, когда он шутил на тему своей инвалидности, а когда она все же смеялась, потом чувствовала себя виноватой.

– Вот, – Леонард показал письмо от Эдит Мэйсон.

– Хорошая бумага.

– Я знаю. Она вообще-то могла бы выбрать писчебумажные принадлежности попроще. А эти передать нам для продажи. Это крейновская бумага с высоким содержанием льняного волокна. Ей восемьдесят лет как минимум. Я знаю одного коллекционера в Австрии, который взял бы ее только так. – Леонард щелкнул длинными пальцами у лба, рядом со своим ужасным париком. – А вот почерк у нее уже не тот. Смахивает, должно быть, на письма Ее Величества. Да и умом уж наверняка тронулась, как тот Шляпник. Но я уверен, ты с ней справишься. Тебе это под силу, Китти.

– По-моему, я обожаю свою работу.

Леонард одобрительно хрюкнул, потом нахмурился.

– Вообще Магбар-Вуд – весьма странный уголок мира сего. Я бывал там пару раз. – Он прошелся взглядом по стенам офиса. – Само собой, еще до того, как оказался здесь. Даже тогда это было Богом забытое место. Была там? Ты же, вроде бы, куда-то там заезжала?

– Только в Пекло. То есть, в Эллил-Филдс. Местечко из скорбного детства. – Кэтрин подумала об автозаправке и пустых серых шоссе. – Я съездила туда, где жила когда-то. После просмотра в Грин-Уиллоу. Там все очень изменилось. Все, что я помню, исчезло. С концами кануло. Откуда ты узнал, что я оттуда?

– Ты как-то об этом упомянула.

– Разве?

– Ну да. У этого места печальная история. Из тамошней школы пропали дети. Кажется, еще до твоего рождения.

Не совсем так. Кэтрин занялась чаем, чтобы Леонард не видел ее лица. Маргарет Рид, Анджела Прескотт и Хелен Тим – она даже имена помнит. В семидесятых всем в Эллил-Филдс были знакомы эти маленькие улыбающиеся лица с черно-белых фотографий. Для старшего поколения жителей Эллил-Филдс эти фото были почти как иконы. Хотя когда Кэтрин сравнялась возрастом с пропавшими девочками, эти иконы – фотографии на газетной бумаге – уже изрядно пожухли. Когда бабуля рассказала ей историю о пропавших девочках, которых так и не нашли, возможно, в качестве предупреждения о контактах с незнакомцами, она показала Кэтрин пожелтевшие вырезки, хранимые в жестяной коробке от печенья. К тому времени в Эллил-Филдс только старики и переживали об этом ужасном событии. Остальные, похоже, просто не хотели вспоминать дурное. И когда Кэтрин принесла домой свое любопытство по поводу трех пропавших девочек пополам с жуткой черной угрозой, которую она углядела за их зернистыми изображениями, отец дико разозлился на бабулю за то, что та «забивает ребенку голову всякими ужасами». Когда пропала Алиса Гэлловэй, Кэтрин уже не в первый раз подивилась великой мудрости бабули.

– Я почти ничего не помню. Мы переехали, когда мне было шесть. Я понятия не имела, что Грин-Уиллоу рядом с Эллил-Филдс. Я узнала об этом, когда посмотрела на карту в поисках того гостевого дома. И в Магбар-Вуд я прежде не была. Я вообще сомневаюсь, что когда-либо удалялась от дома больше чем на милю, не считая семейных каникул на побережье. Мы были без гроша за душой. Мама с папой никогда не говорят об этом периоде в их жизни. Не сомневаюсь, они тоже никогда не возвращались туда.

– Эллил-Филдс как раз между этими двумя местами. Они до сих пор зовутся Старым Городом, хотя новостройщики там всю округу испохабили, во всех смыслах. И этим они занимались еще до того, как ты на свет появилась, Китти. Знаешь, как только я взглянул на тебя, сразу понял – вот девчонка с валлийской границы.

– Да ну тебя.

– Эти огненные волосы, зеленые глаза, умопомрачительные веснушки. Даже после того как на карту всунули Монмут, в долинах всегда было полным-полно красоток вроде тебя. Так что хочешь или нет, ты – классический образец добуннской девы.

– Какой-какой девы?

– Я имею в виду племя, что жило в тех местах до римлян. Ох, и давали же они жару!

– Ты такой старый, что и об этом знаешь? А я-то думала, тебе семьдесят пять и ни днем больше.

– Думать-то думай, а то я вот как сейчас доберусь до тебя! К обеду уж точно доберусь, помяни мое слово, голубушка.

Смеясь, Кэтрин вышла из кухни с чайным подносом, чувствуя, как настроение поднимается прямо на ходу. Леонард умел видеть странную красоту в предметах старины, которые они оценивали и продавали, и точно так же он примечал что-то в ней – что-то, что сама она не могла углядеть за извечной оградой уничижительной самокритики. При нем она как-то само собой начинала чувствовать себя умницей-красавицей, чего никогда не случалось рядом с ее кавалерами. И не то чтобы Леонард был завзятым ловеласом, отнюдь. Она понимала, что он действительно восхищается ею и гордится. Даже пытается защитить ее. После случившегося в Лондоне его деликатное наставничество и доброта помогли ей гораздо больше, чем курс антидепрессантов или новый психотерапевт.

– Что ж, с нетерпением жду встречи с ужасной Эдит Мэйсон в пятницу.

– Если прорвешься через домоправительницу. В письме говорится, что она есть. – Леонард улыбнулся. – Не стоит недооценивать домоправительниц, Китти.

Глава 6

Кэтрин почувствовала, как та, чей голос она услышала из глубины Красного Дома, придирчиво изучает ее взглядом. Ей стало не по себе, и сдавленным голоском застенчивого ребенка она пролепетала:

– Здравствуйте…

Не прикасаясь к двери, она осмотрелась и пару раз зажмурилась, чтобы глаза привыкли к темноте. Ее взгляду явилась узкая, оклеенная бордовыми обоями с угловатым узором кишка коридора с высокими потолками.

– Кто-нибудь есть?

Все внутренние двери, которые она сумела разглядеть, были закрыты, – одна слева от нее, другая справа. Скорей всего, гардероб и кладовка для обуви. Верхние панели ближайших дверей были сделаны из красного витражного стекла, как и абажур над головой Кэтрин. Воистину – Красный Дом.

По стенам возле дверей висели картины в рамах, но она не могла разглядеть ничего, кроме бликов на защитных стеклах. Не успела она восхититься красно-черной напольной плиткой из обожженной керамики, старинной, но без трещин, как наверху, где-то внутри дома, что-то заскрипело – будто старое несмазанное колесо.

Покосившись в ту сторону, Кэтрин увидела, что в конце узкого вестибюля есть выход в более просторное помещение. Грохоча каблуками по плиткам, она вошла в Красный Дом, пересекла вестибюль и заглянула в холл, но не вошла туда. Она оглядела четыре стены, забранные в старинные панели темного дерева. Наконец ее блуждающий взгляд остановился на резной стойке крутой лестницы с левой стороны холла, чья восходящая балюстрада напоминала ребра.

Кости внутри багровых каверн тела.

– Меня… меня зовут Кэтрин! Кэтрин Говард. Я от Осборна. – В протянувшемся змеей коридоре ее голос звучал блекло, слабо, бессильно.

В бледно-алом отражении невидимого здесь дневного света Кэтрин разглядела темный силуэт на фоне еще одной двери, словно окутанный багряной аурой и восседавший на чем-то, напоминающем садовую тачку. Насколько Кэтрин смогла разглядеть, верхняя половина тощего тела и голова на длинной шее были наклонены вперед, разглядывая ее. Остальное было скрыто деревянными перилами.

– Если бы вы удосужились позвонить в дверной колокольчик, Мод бы вас встретила. Она где-то внизу. – Иссушенный старостью голос прозвучал настолько язвительно, что Кэтрин даже немного оробела. Неожиданный звон ручного колокольчика, донесшийся оттуда же, откуда и голос, заставил ее вздрогнуть.

– Ах, вот оно что. – Она старалась говорить как можно меньше: абсурдный голосок в голове велел ей не вдыхать чересчур много здешней среды. Воздух в Красном Доме ощутимо провонял какой-то химией, перекрывавшей соперничающие с ней ароматы мастики, лакового дерева и плесени. Вся эта палитра маскирующих запахов живо напомнила ей дышащие на ладан антикварные лавочки и провинциальные музеи, в которых ей доводилось бывать, а вот доминирующий резкий дух был ей незнаком.

Ее замешательство и накатывающая сонливость, вызванная жарой и цветочной пыльцой снаружи, лишь усилились в этом душном, темном помещении, мешаясь, сбивая с толку. Она протянула руку и дотронулась до стены.

Неясная фигура наверху рассматривала ее в молчании, наливавшемся напряжением и тяжестью, которые так угнетали Кэтрин, что она представила себя ребенком, трепещущим перед суровым учителем в каком-нибудь допотопном частном лицее для девиц.

– Мод сопроводит вас в гостиную. – Сказав это, женщина чуть отодвинулась от перил. Кэтрин сумела разглядеть пятно, слишком белое для лица, поверх той самой садовой тачки, скорей всего, на самом деле инвалидным креслом. Что же у нее такое было на голове? Неужто шляпка?

Фигура откатилась назад с пугающей внезапностью. Заскрипели колеса и половицы.

Кэтрин осталась одна в устье коридора – сбитая с толку, не понимающая, что чувствует: обычную свою неловкость в общении с незнакомцами или же страх, порождающий острое нежелание сделать еще хоть один шаг в глубь Красного Дома, который со всех сторон взирал на нее мрачно и пристально и… с плохо скрываемой враждебностью.

На резкий звон колокольчика что-то откликнулось – там, в глубине багрового тоннеля, начинавшегося у входной двери, пересекавшего обшитый деревом холл и уходящего куда-то в дальние залы просторного дома. Из далекой тьмы надвигались приглушенные шаги. Шаркающая походка наводила на мысль, что к ней сейчас шествовал кто-то старый, с трудом передвигающийся под гнетом лет. К уже полученным неприятным ощущениям добавилось острое нежелание оказаться лицом к лицу с этим кем-то. Надо полагать, это будет Мод. Домоправительница.

Через проем входной двери, а может быть, через световой люк над лестницей пробивалось немного дневного света, облаченного в багровую дымку. На этом размытом фоне вскоре проступил белый силуэт и принялся надвигаться на Кэтрин из коридора внизу. Силуэт этот, казалось, парил над полом, не имея конечностей, и продвигался к холлу толчками, словно медуза в воде.

Не успело замешательство Кэтрин перерасти в страх, как перед ней материализовалась дородная женщина в белоснежном фартуке – именно ее в полумгле она на мгновение приняла за привидение. Женщина с трудом ворочала свое грузное тело, ее белые кудряшки, похожие на чепец, болтались из стороны в сторону при каждом шаге. Домоправительница неотвратимо близилась, и, когда на нее упало чуть больше света, Кэтрин, не сводившая с нее глаз, невольно приоткрыла рот.

На круглом, изборожденном морщинами лице, явившемся пред ее очи, не осталось ни следа женственности. Кэтрин никогда еще, насколько могла припомнить, не видела столь мрачного лица, разве что на военных черно-белых фотографиях узников за колючей проволокой. Волосы женщины, белые, как шерсть ягненка, выглядели так, словно она сама обрезала их тупыми ножницами по кромке надетого на голову горшка. Под фартуком дыбились необъятные бедра, живот и грудь. Из-под накрахмаленного подола выглядывали мужские ботинки на шнуровке. Сверху одеяние домоправительницы дополнялось стоячим воротничком, едва заметным за массивным двойным подбородком. Не говоря ни слова, она сверлила Кэтрин тусклым взором выцветших глаз из-под косматых

бровей. Выражение ее было совершенно мрачным, в нем явственно читалось раздражение и нечто вроде осуждения.

Кэтрин улыбнулась, откашлялась и, выступив вперед на шажок, протянула руку:

– Я Кэтрин. Кэтрин Говард.

Странное существо повернулось, заковыляло к лестнице и принялось подниматься, не ответив на предложенное рукопожатие и вовсе не сказав ни слова.

Кэтрин смотрела, как женщина, пыхтя, поднимается. Сзади то, что она приняла за фартук, на деле оказалось юбкой с высокой талией, доходящей до толстых лодыжек. Строгая одноцветная блузка, пересеченная лямками фартука, отделялась от юбки толстым кожаным поясом. И юбка, и блузка были сшиты из грубой серой ткани вроде парусины; манжеты на мешковатых рукавах были перепачканы. Так одевались фабричные работницы веке эдак в девятнадцатом, и Кэтрин подумала, что эксцентричность, издавна культивируемая в сельской глуши (а Красный Дом стоял в самом глухом уголке, который можно отыскать на границе с Уэльсом), в наши дни определенно утратила свой шарм. Картины упадка она видела много раз, но чтобы до такой степени… От немой домоправительницы тянуло тем едким запахом, который Кэтрин почувствовала в прихожей.

На полпути ко второму этажу домоправительница обратила к Кэтрин свой бледный лик и молча уставилась на нее, ожидая, когда та последует за ней. Кэтрин неуверенно ступила в деревянный колодец лестничного пролета и словно оказалась внутри необычной церковной башни с древними, обшитыми дубом стенами. В нем было два этажа, и, задрав голову, она увидела закругленные кромки перил. Огромное слуховое окно гневно взирало на лестничный колодец своим багровым оком.

– Вы Мод? – на всякий случай уточнила Кэтрин. Женщина не ответила и продолжила восхождение к высотам Красного Дома.

Они дошли до нижнего угла Г-образного коридора второго этажа, столь же тускло освещенного. Все внутренние двери были закрыты, отчего свет в коридор не поступал, а дом хранил молчание и словно застыл в напряжении, изрядно

давившим на Кэтрин.

Сквозь дурман полированной древесины и неизбежной затхлости старой мебели как-то пробивались нотки жасмина, розы и лаванды – флер хозяйки дома, которую, видимо, только что провезли на каталке по этому коридору. Возможно, в одну из этих комнат ее провез тот ребенок, которого она увидела в окне. Кэтрин вспомнилась кукла, сидевшая у нее на коленях в гостевом домике во Флинтшире. Тот же аромат.

Стены второго этажа были деревянными, как и в холле внизу, что лишь добавляло тусклости, а все двери, которые она могла видеть, имели по шесть панелей, причем две верхних – всегда из красного стекла. Мод пошла к двери в углу коридора, прислушалась на мгновение и лишь потом постучала.

– Войдите, – откликнулся далекий голос.

С выражением угрюмого недовольства на морщинистом лице служанка отворила дверь перед Кэтрин. Следуя за габаритной домоправительницей, Кэтрин сумела разглядеть некоторые мелочи в комнате, освещенной куда лучше, чем холл, лестница и коридор. Вдоль стен и на стенах расположилась уйма всяческой интересности. Кэтрин не успела сделать и несколько шагов, как замерла в полном изумлении.

Ей показалось, что она попала в другой мир – на какую-нибудь лужайку зачарованного и жуткого искусственного викторианского леса. Такого, в котором на нее отовсюду смотрели десятки маленьких ярких глаз.

Глава 7

Лишившись дара речи, она стала озираться по сторонам. Рыжие белки во фраках застыли на крышке рояля – их лапки держали орешки в миллиметре от крошечных ртов. А в другой стороне ей ухмылялась лиса, крадущаяся прямо по журнальному столику. На каминной полке замер на задних лапках парадный строй крыс в военных нарядах. В стороне – за стеклянными дверьми высокого шкафчика – ей на глаза попалось семейство милых кошечек в красочных

платьицах. Кто-то пил чай, кто-то застыл в застенчивом книксене.

Гостиная была забита животными. Все они замерли в молчании, словно застигнутые врас-плох ее вторжением… и лихорадочно теперь раздумывающие, что предпринять дальше. От них в гостиной было яблоку негде упасть.

У огромного мраморного камина одиноко восседала в старинном инвалидном кресле Эдит Мэйсон. Похоже, реакция гостьи ей пришлась по душе. Рядом с хозяйкой растянулся длинный красный сеттер. Собака наблюдала за Кэтрин одним влажным коричневым глазом, приподняв бровь, рубиновая ее шерсть мерцала в солнечном свете, падавшем через арочные окна. Ну хотя бы собака явно настоящая.

– Даже теперь чудеса, сотворенные дядей, не утратили способности иной раз изумить меня, а я-то вижу их каждый день. Но вы, полагаю, совсем язык проглотили от изумления.

Женщина улыбнулась – сквозь узкую полоску губ блеснули маленькие желтые зубы.

– Садитесь, пожалуйста. Мод подаст нам чай. – Эдит Мэйсон говорила так, будто не замечала присутствия домоправительницы, чей уход из гостиной ознаменовался сердитым стуком захлопнутой двери.

Даже безупречно сохранившаяся викторианская гостиная, набитая чучелами, не могла затмить Эдит Мэйсон во плоти. На ее древнее костлявое лицо налипло так много пудры, что туго натянутая кожа походила на вымоченную в хлорке заготовку из папье-маше. Красные каемки век придавали ее крошечным глазам отталкивающий вид. Губы были настолько бесцветными, что практически отсутствовали, а переносица – настолько тонкой, что походила на лезвие: падавшие сбоку лучи солнца будто бы преспокойно проходили сквозь прозрачный хрящ, не встречая ни малейшего сопротивления среды. От такого лица трудно было не отвести взгляд с содроганием, но Кэтрин как-то совладала с собой. Участливым взором она принялась изучать замысловатую прическу, венчавшую сморщенную голову хозяйки этаким праздничным тортом. В седые пряди старухи было вплетено множество серебристых накладок. Внутри этой конструкции было явно не меньше килограмма ватина. Такой стиль Кэтрин видела только в исторических драмах или на женских фотографиях начала 1900-

х годов. Ей захотелось думать, что хозяйка приняла такое обличье из-за нее, устроила своеобразный показ мод ради оценки специалиста. Она не знала, как реагировать, что делать, что говорить. Она просто смотрела не отрываясь.

– Мне девяносто три, дорогуша. И за все эти долгих девяносто три года ни разу у меня не возникало соблазна размалевать губы этой вашей кошмарной помадой. – Строгий взор Эдит Мэйсон впился в губы Кэтрин. – Трудно поверить, но были славные времена, когда помада считалась пошлостью. Меткой шлюхи. – Последнее слово разнеслось по комнате с такой силой, что Кэтрин моргнула. Наверное, это такая месть, подумала она, за то, что с таким явным ужасом пялюсь на этот взрыв на кондитерском заводе, что случился у нее на голове.

Отсюда надо уходить, пришло в голову следом. Несмотря на несметные богатства, явившиеся ее изумленному взору в одной-единственной комнате, безошибочный инстинкт подсказал Кэтрин, что если она останется, произойдет что-то очень нехорошее. По своему профессиональному опыту она знала, что величайшие сокровища очень часто охраняют самые хитрые и кровожадные драконы.

– Но что вы, девушки, можете поделать? Живете по чужим правилам. Да и мы, бабушки, тоже никогда ничего в этом мире особо не решали. – Старуха улыбнулась, но на этот раз и глазами тоже. Кэтрин пришлось улыбнуться в ответ. – Прошу. – Эдит Мэйсон взмахнула костлявой рукой. На черном шелке платья с высоким воротом пальцы были так мертвенно-бледны, что Кэтрин, как завороженная, проследила все движение руки до конца. Когда она поняла, что руку облегает перчатка, у нее отлегло от сердца. – Смотрите. Не сомневаюсь, вам не терпится поглазеть на наши вещички. Бьюсь об заклад, вы так и рветесь подобраться к ним. Назначить им цену.

– Я никуда не тороплюсь.

– Не нужно ложной скромности. Не люблю я ее. Давайте-ка сразу проясним: мы никого сюда не приглашали, чтобы расстаться с нашей собственностью. С вещами, которые сейчас ни одна душа в мире не способна создать, не говоря уже о том, чтобы понять их истинное значение и ценность. Нам нужен кто-то, способный уразуметь, что именно создавалось здесь когда-то. Да, раньше мы сотрудничали с вашей фирмой ко взаимному удовлетворению, но на аукцион дадим добро только тогда, когда сыщем человека, наделенного в должной мере проницательностью и тонкостью восприятия. Так что считайте это еще и

собеседованием. – Старуха поморщилась – похоже, слово «аукцион» далось ей с большой болью. Если Кэтрин не привиделось, в глазах Эдит сверкнули слезы, прежде чем она отвернулась к окнам.

– Ваш дом… – Кэтрин не знала, что сказать, но чувствовала, что что-то сказать должна. – Он просто невероятный.

Выражение лица старухи мгновенно изменилось, и Кэтрин едва сдержалась, чтобы не отшатнуться с отвращением. Эдит Мэйсон улыбнулась еще шире, продемонстрировав еще больше зубов и ошметков десен, из которых они выпирали.

– Знали бы вы, до какой степени. Впрочем, может, и узнаете, – улыбка превратилась в хищный оскал, – если мы решим нанять вашу фирму.

– Мы очень рады такой возможности. Получить от вас приглашение и…

– Да, да. Замечательно, дорогуша. Вы начинаете мне нравиться. С того момента, как я увидела вас на той дорожке, я поняла, что в вас есть смирение. И что оно подлинное. А нам здесь нравятся хорошие манеры, мисс Говард. Нам нравится тишина. Нам нравится, когда никто не лезет в наши дела… А вот что нам не нравится, так это… – Мысль повисла в воздухе незавершенной, и Эдит вновь устремила взгляд в другой конец комнаты, словно там был кто-то невидимый, с чьим мнением тоже следовало считаться. Кусочек сажи стукнулся о решетку камина изнутри, и обе женщины вздрогнули. Эдит с опаской посмотрела в сторону камина, затем вновь обратила свой жуткий взгляд на Кэтрин.

– Что вам известно о моем дяде?

Кэтрин уставилась в пол, чтобы избежать этого пристального, невыносимого взгляда, и увидела палас ручной работы, местами прикрытый восточными ковриками. Она постаралась собраться с мыслями, но мысли тому противились и куда-то разбегались. Средневековый геометрический рисунок бордово-зеленого паласа мозолил глаза. Маленькие стекляшки таращились на Кэтрин из каждого угла, упиваясь ее затруднительным положением. Одна только собака вроде бы сочувствовала ей.

Она сомневалась, что здесь ей дадут много говорить, да и вряд ли что-нибудь из сказанного ею будет старухе интересно. Она решила, что если все же заговорит, каждое ее слово будет лишь поводом для отповедей и возражений. А к такому отношению она так и не привыкла, несмотря на практику длиною в жизнь.

Она заставила себя сосредоточиться.

– Мы знаем…

– Кто «мы»? Вы здесь одна.

– Я… Я, конечно, знаю о его непревзойденном гении таксидермиста. – Она подумала о каталоге, который мысленно составила на предыдущей неделе. – Судя по тому немногому, что когда-либо выставлялось, он был величайшим в своем деле. А мой коллега сказал мне, что ваш дядя был еще и легендарным кукольником.

Эдит на лесть не поддалась.

– Они не продаются. Они были ему как дети, и они – не для чужих рук.

– Само собой. Но того, что я вижу в одной этой комнате, вполне хватит на выставку.

Старуха обвела взглядом гостиную.

– Они мои. Он сделал их для меня, когда я была ребенком. И они, дорогуша, меня в гроб сопроводят. Так что советую не строить на них планы.

Ну и зачем я здесь тогда, назрел вопрос у Кэтрин.

– Они составляют мне компанию – здесь, в моей комнате. Помогают скоротать время. А его здесь проведено очень много. Больше, чем вы можете себе представить. – Теперь голос хозяйки звучал грустно: – Не так ли, милый мой? – Эдит Мэйсон протянула руку, похожую на птичью лапку, и дотронулась до головы собаки. Но, похоже, красного сеттера больше интересовала гостья – он продолжал поглядывать на Кэтрин с почти что человеческим участием, словно

говоря: «Ну ты и влипла, подружка». Она ответила псу слабой благодарной улыбкой.

В ответ резкому неприятному смешку Эдит звякнули фарфор и хрусталь.

– Храбрец Горацио все так же морочит людям голову. Он был любимым псом моего дяди. Чемпион по ловле крыс. Но свою последнюю крысу бедный Горацио поймал в одна тысяча двадцать восьмом году, дай Бог памяти. Дядя вверил его моим заботам. А он все еще ждет возвращения хозяина. Днем и ночью. Как и все мы, правда, милый мой храбрец?

Кэтрин в полном изумлении смотрела на собаку. Пес – тоже чучело? Не может такого быть! Выражение морды, поза, глянцевый отлив шерсти, влажный нос, влажные глаза… Как? Она встала и подошла к белкам, глазевшим на нее с крышки рояля, бросила на них быстрый взгляд эксперта. Она не удивилась бы, если бы одна из них дернула носом, а другая метнулась бы рыжей пушистой молнией к занавескам и повисла на ламбрекене.

Белки эти не входили в то скорбное число обшарпанных и потрепанных уродцев из старьевщицких лавок, не были подобны ужасным чучелам, что коротают свой век во тьме чердаков и видят свет лишь во время генеральных уборок. Мэйсон сотворил не менее пятидесяти волшебных подарков для своей маленькой племянницы – и это только в одной комнате. В детстве Эдит, должно быть, спала в спальне, полной мертвых котят в платьицах из тафты, шифона и муслина. Неудивительно, что она сошла с ума.

Но что еще, идеально сохраненное великим мастером, скакало, сидело, таилось в засаде, гарцевало в бесчисленных комнатах этого громадного особняка? Последняя оригинальная диорама Мэйсона была продана за восемьдесят тысяч фунтов на аукционе Бонэм в две тысячи седьмом – ныне же любой предмет такого качества, которое ее окружало, обошелся бы раз в десять дороже. Мэйсон был лучшим чучельником, а с семидесятых годов, когда на чучела было мало покупателей, рынок изголодался по новым работам. Она хорошо знала, что менее пяти процентов викторианских чучел дожило до следующего столетия, остальные развалились или были уничтожены. Но не здесь. Не в Красном Доме.

Что она вообще здесь делает? Если гостиная была лишь скромной демонстрационной витриной для того изобилия, что хранилось здесь, следовало

уведомить одну из крупных лондонских фирм. Это была бы работа для ребят из «Сотбис», а не для мелких сошек вроде Кэтрин Говард из фирмы «Леонард Осборн, оценщик и аукционист». Она старалась скрыть волнение – показать его было бы ошибкой. Американские музеи хорошо платили за птиц, тех самых, которых викторианцы тут же изводили на чучела, едва открыв места их обитания.

– А птиц у вас тут нет?

Голова Эдит затряслась, как у паралитика, в коротком приступе ярости.

– Птиц? Мой дядя не был плюмажистом! Ему было не до перьев! Вот это, – она повела тонкой белой рукой в воздухе, – это все пустячки. В основном он работал с крысами. Животными, схожими с нами. Прозрение пришло к нему во время Первой мировой войны, на фронте. Помню, однажды он сказал моей матери, его любимой сестре, что все мы – не более чем паразиты под звездами.

– Хм, ясно. – Кэтрин вновь осмотрелась. – Он так много сделал, я и понятия не имела.

– Мой дядя брался за заказы лишь тогда, когда этого требовал дом. Кое-какие работы вы могли видеть, занимаясь своим нечистым промыслом. Это все, что когда-либо выходило за пределы дома. Его, в отличие от остальных, не интересовали эти ваши слава, конкуренция, выставки. Когда спрос на его работы иссяк, он продал землю, чтобы Красный Дом выстоял. Мы были бережливы, но надо же было держаться на плаву.

– Он создал все это… из любви к искусству?

Эдит улыбнулась.

– Кажется, вы начинаете кое-что понимать. Он создавал нечто великое только тогда, когда интерес к его ремеслу пропал. Таксидермия, дорогуша, была в немилости большую часть его профессиональной жизни. Мой дядя не был ученым и природу не боготворил. Он был художником. Волшебником! А теперь… теперь в наш дом валом валят письма. Люди желают знать, не осталось ли еще животных? Бог ты мой, неужто они такие ценные?

Кэтрин сдержала улыбку.

– Для коллекционеров – очень даже может быть. Это я и пришла узнать.

Со щелчком открылась дверь, и, шаркая, вошла Мод с подносом, заставленным посудой поистине антикварного вида.

– Вы узнаете, быть может. Всему свое время. Я покамест решила, что вы мне достаточно симпатичны, чтобы показать вам кое-что еще. Вы с уважением относитесь к его работам. Вижу это по вашим красивым глазкам. Но сначала надо выпить чаю. Выпечка домашняя. Не разольете ли? Руки у меня уже не те.

– Конечно, не вопрос. – Кэтрин, внезапно счастливая оттого, что все-таки не сбежала отсюда, улыбнулась собаке и как бы между прочим ввернула: – Надо сказать, старик Горацио прекрасно воспитан. Даже носом не повел на кексы.

С лица Эдит тут же ушел хоть какой-то намек на теплоту, и оно застыло в недовольной гримасе:

– Если вы шутить изволите, то совершенно напрасно. Над творениями моего дяди смеяться недопустимо. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Я ясно выразилась?

Глава 8

– Ну же. Входите поскорее!

– Но…

– Внутрь. – Настойчивость Эдит явно граничила с гневом.

– А как же свет?

– Их надобно держать в темноте. Темнота не вредит им.

– Как же вы их видите тогда?

– А вы зайдите и все узнаете! Чего тут-то топтаться?

Застыв в дверях, Кэтрин стала всматриваться в непроницаемый мрак. Подножки инвалидной коляски Эдит Мэйсон попирали ее лодыжки сзади. Старуха, которую она сама сюда и прикатила, будто подталкивала ее, хотела насильно впихнуть внутрь.

– Верхний свет уже много лет как не работает. Придется раздернуть шторы. Или хотите, чтоб я сама это сделала, вот этими вот руками? – Эдит захихикала. – Вы что, дорогуша, темноты боитесь?

Кэтрин сделала маленький шажок внутрь – будто вступала на залитый льдом каток – бочком, расставив руки. Воздух в хранилище был спертый, влажный, пропитанный запахом полироли и еще какой-то химии. Она шла дальше и дальше в темноту, а запах становился сильнее, резче, от него даже пощипывало в глазах.

– Держитесь левее. Левее! – вела ее Эдит. Деланно строгий тон не скрывал веселья (если не злорадства) по поводу неудобного положения Кэтрин.

Низкие каблуки ее сандалий стучали и скребли по половицам, звук гулко разносился по помещению – чувствовалось, что оно довольно большое. И тут совершенно точно не было ничего мягкого, что могло бы приглушить звук или защитить Кэтрин от падения.

Кэтрин взглянула на бесформенно-уродливый силуэт Эдит Мэйсон, проступающий в слабом багровом свете из коридора. Старуха сидела неподвижно, выпрямив спину и высоко задрав голову, торчащую над иссохшими плечами.

Ей внезапно подумалось, что все эти хождения во мраке тайной комнаты в зловещем доме – своего рода испытание, нечто среднее между детским пари «на слабо» и жутким розыгрышем. Кэтрин принимала правила этой неравной игры единственно ради контракта – и ненавидела себя за это. Собственные действия вдруг стали казаться преступно абсурдными. Она позволяла старухе

помыкать ею, она стала предметом манипуляций и издевательств ради каких-то эфемерных перспектив успешной карьеры. Разве отчасти не в попытке сбежать от такого обращения она уехала из Лондона? Она и час здесь не провела, а уже стоит испуганная в темноте, и Эдит Мэйсон ей всячески помыкает. Она состроила недовольную гримасу в сторону силуэта старухи, презирая себя за такую мелочность.

– Не дуйтесь, милая моя.

Кэтрин вздрогнула. Как она могла это увидеть?

– Вы хотели их посмотреть. Потому и приехали сюда. Свой хлеб нужно уметь зарабатывать.

Кэтрин вдруг захотелось расхохотаться – настолько абсурдной была ситуация. Как такое вообще возможно? Еще совсем недавно она сидела за рулем машины, проезжая через узнаваемый мир. Расскажи она о том, что здесь происходит – никто ей не поверит. Сюрреализм какой-то, безумие. Звучит заманчиво, но ничего заманчивого на деле в таких испытаниях не было. Равно как и в зловонии, переполнявшем здешний мрак.

Так, а это еще что?

– Это что, розыгрыш какой-то? – Кэтрин обернулась и посмотрела на черную пустоту напротив двери, через которую только что прокралась. До нее донесся какой-то звук – один-единственный раз она услышала его, где-то справа от себя, видимо, в дальней части комнаты. Шелест ткани по дереву. На уровне пола. Или кто-то соскользнул со стула? Ребенок.

– Прошу прощения? – бросила Эдит от дверей, почти не пряча недовольство в голосе.

– Здесь кто-то есть. Вы меня разыгрываете? Мне это все смешным не кажется.

– Вы там одни. – Теперь в голосе Эдит слышалась жестокая игривость. – Больше там ничего живого нет, хотя может показаться, что есть. – Если старуха хотела успокоить ее, то это ей не удалось. А вдруг ей сейчас вздумается взять и

захлопнуть дверь? Тогда я угожу в западню.

Продвигаясь к зашторенному окну, Кэтрин кляла себя на все лады. И зачем она только осталась здесь? Каким местом думала? Лицо в окне, одурачившее ее чучело пса, ужасные наряды, оскорбительное молчание Мод, еще и шлюхой за глаза назвали. Вывод из этого всего один, и напрашивается он прямо-таки сам собой. Ее жестоко и изощренно разыграли, словно простолюдинку, явившуюся сюда потрогать грязными ручонками семейное серебро.

Она принялась загребать руками пустоту в поисках опоры и кое-как, наощупь, добралась до шторы. Та была сработана из плотной, многослойной ткани, чего-то вроде очень плотного бархата, который никак не желал расходиться. Она шагнула в сторону, задыхаясь от тревоги.

– Ну вот. Вы почти на месте. Я слышу, где вы шуршите.

Кэтрин вновь взглянула на дверной проем и поняла, что силуэт Эдит больше не смотрит в ее направлении, но в ту часть неосвещенной комнаты, что расположена напротив двери. Откуда в этот момент донесся звук. Очень слабый звук металла, скребущего по каменной кладке. А потом – шорох ткани. Кэтрин завизжала бы, но воздух застыл в ее окаменевших легких.

Она вновь принялась трепать шторы, пока пальцы не нащупали место в центре, где они расходились. Но даже когда она раздернула завесы, свет не появился. Она была по-прежнему запечатана в темноте. Пальцы нашли еще один слой ткани, чуть тоньше. Она потянула за нее.

– Поаккуратней с моими занавесками!

Потихоньку закипая, Кэтрин обнаружила, что ее ладони по самые запястья запутались в мотках тюля. Где-то позади всех этих наслоений ткани ее ногти царапнули по дереву. На одно ужасное мгновение ее буквально парализовало – она поняла, что это и в самом деле ловушка. Ее направили к ложному окну. Сейчас дверь в комнату захлопнется, ключ повернется в большом латунном замке, которым она еще восхищалась, как последняя дура. Ей казалось, что она намертво застряла внутри сна, начавшегося в тот момент, когда она вышла из машины. Она моргнула невидящими глазами, и ей захотелось поглубже, до крови, всадить ногти в запястья. Разинув рот, Кэтрин глотнула темноты и крепко

сжала зубы.

– Ставни раздвижные, – донесся до нее голос Эдит, теперь звучавший ровно – она не глумилась и не гневалась, просто отдавала распоряжения. – Посередине есть шпингалет. Отоприте его. Но будьте осторожны! Эти ставни защищают окно уже добрых полтора века. Раздвиньте их в стороны, да поскорее – чего мы тут время теряем?

Кэтрин нащупала маленький засов и отомкнула деревянные ставни. Поскрипывая, как старая парусная шлюпка, они разъехались по сторонам без особого сопротивления.

Кэтрин застыла, ошеломленная и опустошенная. Лицо ее было опалено белым светом, изливавшимся прямо с небес, из обители спасения.

Она обернулась к безобидной старушке в инвалидной коляске. Оковы напряжения спали с нее, пульс унял свой бег… А потом она увидела, что хранилось в темной комнате под замком.

Глава 9

Под люстрой, подвешенной на черной цепи, свисающей с алебастровой потолочной розетки, располагался громадный выставочный стол примерно шесть метров в длину, четыре в ширину и метр в ширину.

Стены вокруг композиции были обклеены теми же обоями со средневековым узором, что и во всем Красном Доме в тех местах, где не было деревянных панелей, – густого бордового цвета, поглощающего естественный свет. Периметр комнаты был забран высоким деревянным плинтусом снизу и длинным карнизом сверху. И никакой мебели, никакого декора – ничто не должно было отвлекать внимание зрителя, препятствовать восторгу, смешанному с ужасом при виде того, что создал и выставил в своем доме М. Г. Мейсон.

Кэтрин на время потеряла дар речи – пауза была достаточной, чтобы Эдит успела очевидно насладиться ее вытаращенными глазами и открытым ртом.

Возможно, именно поэтому Мод не произнесла ни слова, а Эдит провела всю жизнь в безмолвной и невольной компании грызунов и лесного зверья. Все прочие персоны были не более чем помехами.

– Часто на завершение одной композиции у дяди уходили годы. Над этой он работал десять лет, плюс год планирования, прежде чем он освежевал первую крысу. – Кэтрин все еще не могла ответить. – Всего под стеклом шестьсот двадцать три объекта. Их всех поймали собаки, специально обученные не калечить добычу. И несколько десятков лет в Красном Доме нет крыс. Может быть, они еще помнят, – Эдит усмехнулась собственной шутке. – Дядя так наловчился, что мог полностью обработать крысу за шестнадцать часов. Но прежде чем сделать первый надрез, он планировал позу каждой из них до мельчайших подробностей. У крыс ужасно тонкие лапы, лапам животного вообще сложнее всего придать правильное положение, но дядя стал настоящим специалистом в этом деле. А моя мама снимала мерку с каждой из них для пошива униформы.

Кэтрин покатила кресло с Эдит вдоль выставочного стола. От нескольких беглых взглядов на композицию у нее закружилась голова, но она еще не могла воспринять всей сложности диорамы.

Через стекло открывался вид в ад.

– Не понимаю… Почему никто этого не видел?

Колеса кресла скрипнули, пол издал стон, и в этом пространстве звуки показались Кэтрин столь же нежелательными, как и ее собственный голос. Они как будто нарушали сон комнаты.

Эдит улыбнулась.

– О, видели… однажды. Но вам повезло, мисс Говард. Вы первая, не считая членов семьи, кто увидел «Славу» за последние семьдесят лет. Хотя стремились многие: услыхав о ней от тех немногих, которые действительно видели ее. Это было до того, как дядя осознал, что в качестве предупреждения его работа бесполезна. До Второй мировой войны она один раз выставлялась в Вустере, но ненадолго. Он-то надеялся, что она устрашит людей и тем самым остережет от еще одной великой бойни. Но он был недоволен реакцией на его работу. В

газетах его порицали за жестокость и отсутствие патриотизма. Кто-то даже назвал его безумцем, милочка. Школьники были в восторге от «Славы», но совсем не за то, за что следовало бы. И дядя вернул ее домой. Она делится на десять секций. Согласно указаниям дяди, когда коллекция перешла в мое управление, я отказывала в любой просьбе взглянуть на эту работу, пока о ней не забыли. Теперь у меня нет выбора. Но дядя понимает…

– Он… – Но Кэтрин вскоре упустила направление мысли, к тому же так и не сумела спросить Эдит, кто же все-таки нарушил тишину в комнате, в которой она только что блуждала в темноте. С того момента как она открыла шторы, этот вопрос преследовал ее. Но стоя перед «Славой», ни о чем другом думать было нельзя.

– Вы должны понимать – дядя вернулся с фронта другим человеком. То, что он пережил в Великой Войне, опустошило его. И хотя он был добровольцем-некомбатантом, он отправился на передовую, чтобы быть рядом с солдатами. И дать им хотя бы малое утешение посреди ужасов, которые мы не в состоянии вообразить. Он видел такое… такие вещи. Он потерял веру. И не только в Бога. Но и в людей. В общество. В человечество. Его потеря веры была колоссальной. Можно сказать, полной. Какая тяжкая ноша для капеллана!

– Капеллана? Он был…

– Да, служителем Господа. Когда-то эта деревня была его приходом. Он стал капелланом в 38-м Валлийском батальоне. Частная инициатива. Тогда таких было много. Он пошел добровольцем в 1915-м, вслед за двумя младшими братьями. Он их очень любил и думал, что сумеет о них позаботиться.

Эдит вздохнула и подняла брови, аккуратно нарисованные на ее алебастровом лбу.

– Гарольд, самый младший, пал в Мамецком лесу. В 1916-м. Вскоре после прибытия. Это было одно из сражений на Сомме. Потом их батальон участвовал в третьей битве на Ипре, и Льюис погиб при Пилкеме через год после Гарольда. Бедняжку Льюиса отравили газами.

И эти крысы в грязи были исцелением Мейсона – или скрупулезным продолжением кошмара. Кэтрин вновь уставилась на то, что она поначалу

приняла за маленьких человечков, настолько правдоподобны были их позы на задних лапах, настолько одушевленными и человеческими были гримасы ужаса, боли, страха и отчаяния, так убедительны их военные формы, оружие и страдания на земле, что в течение нескольких секунд она не сомневалась, что смотрит на толпу крохотных людей, завязших в одном из внутренних кругов ада.

Черный пейзаж сам по себе был настолько убедителен – сырой, вздыбленный и бесцветный, – что Кэтрин казалось, будто она чувствует его запах сквозь стекло. Стенки диорамы были окрашены с фотографической точностью, продолжая словно уходящую в бесконечность во всех направлениях картину окопов, рваной проволоки, взрывов снарядов, воронок от мин, густого дыма и разнесенных в щепки деревьев.

И еще – она не видела Эдит такой воодушевленной. Маска колючей враждебности, которую она донесла до порога этой комнаты, казалось, растворилась, как только появилась возможность порассуждать о ее дяде – человеке, нежно лелеемом ее долгой памятью.

– После того как убили Льюиса, дядю списали по инвалидности из-за брюшного тифа и дизентерии. Какое-то время он страдал от обоих недугов одновременно. Мама говорила, что в первый раз домой его привел не тиф, а разбитое сердце. И он мог бы пересидеть войну дома, но вернулся в свою роту и на передовую, едва немного оправился. Чтобы продолжить службу. Когда я достаточно выросла и смогла понять, мама сказала мне, что он был преисполнен решимости погибнуть на фронте, чтобы вновь оказаться рядом с братьями.

– Но, милочка, судьбе было угодно оставить его в живых. В 1918-м он опять вернулся домой, на сей раз с раной. В битве при Камбре. Когда его батальон захватил Вийер-Утре, дядя получил тяжелейшее ранение в голову шрапнелью. Рана изуродовала его. Но, возможно, спасла жизнь.

– Я не знала. – Кэтрин сглотнула комок эмоций, подкативший к горлу. – Это… – она не знала, что сказать. – Это страшная и печальная история. – Она чувствовала себя странно: здесь, в Красном Доме, рассказ Эдит воспринимался как свежие новости. – Мне так жаль.

– Разве такое можно забыть? Дядя считал, что нельзя. Он себе этого позволить не мог. После войны он жил здесь затворником со своей сестрой Виолеттой,

моей матерью. Она вернула его в мир. Потому что им предстояла работа. Они все делали вместе. Я полагаю, вам нужно составить перечень всего этого?

– Да.

– Разделять диораму нельзя. Таково наше единственное условие. Она должна остаться целостной.

– Разумеется. Да и кто бы мог помыслить о таком?

Но Кэтрин знала, что многие вполне могли бы. Если не найдется покупателя, который сможет дать настоящую цену за всю работу, каждую из десяти секций придется продавать по отдельности. А то и более мелкими частями. Диорама была великолепна, но в то же время ужасна, и Кэтрин не могла представить себе кого-то, кто захотел бы подолгу любоваться ею. Возможно, заинтересуется какой-нибудь музей, а лучше бы – художественная галерея. Потому что это было именно искусство, настоящее искусство. Эдит права – М. Г. Мейсон был художником. И великим, он потряс ее до глубины души. Ей казалось, что она могла бы простоять в этой комнате весь день и все равно не разглядеть и половины деталей под стеклянным колпаком.

– Пора посмотреть еще одну. И на сегодня будет достаточно.

– А есть еще одна?

– Еще четыре.

Глава 10

«Нельзя это продавать! – захотелось крикнуть Кэтрин. – Это надо выставить на всеобщее обозрение». В противном случае, аукционный каталог останется единственным свидетельством существования полного собрания М. Г. Мейсона, а его работы могут расползтись по всему миру, так что никто и никогда не сможет собрать их снова. И это после того, как они более полувека простояли, никем не потревоженные, в Красном Доме.

– Я… Просто не верится.

В следующей комнате ее ждала газовая атака. Казалось, создатель диорамы вложил весь свой гнев, горе и терзания, связанные со смертью молодого Льюиса, в сотню крыс, одетых в перепачканное хаки. Крысы катались, задыхались, лягались, истекали кровью в соединительной траншее, а повсюду вокруг их позиции воздух, пропитанный зловонными парами, сверкал разрывами снарядов.

Пейзаж повторял предыдущий – тусклый, мрачный, бесконечный, взбаламученный мощными брызгами взрывов; недвижный и болотистый в омерзительных ямках и словно взболтанный в других местах, где с черных небес волнами падала грязь. А умирающие крысы с налитыми кровью глазами вязли, тонули, поглощались трясиной. Кэтрин пришлось отвернуться от двух слепых несчастных существ, вцепившихся друг в друга и задравших мохнатые шеи в надежде вдохнуть свежего воздуха среди рощицы побитых, голых деревьев. Выражения их морд были непостижимым образом абсолютно человеческими.

– Трудно поверить, что это не кусочек Западного фронта, перенесенного домой в коробке. Хотя это так и есть, в определенном смысле. В сознании дяди. Но декорации изготовила мама. Грязь, жидкая и сухая, – это гипс и мешковина. Для полноты иллюзии все натянуто на проволочный каркас и покрашено.

– Они были здесь. Все это время… – «В темноте», хотела добавить Кэтрин.

– С кончины дяди ничего в этом доме не менялось. Даже его кисточка для бритья, расческа и очки находятся на том же месте, где они были в его последний день. – Кэтрин с ужасом посмотрела на Эдит, та удовлетворенно кивнула. – И его бритва лежит там, где упала.

– Но вы…

– Следовали его указаниям? До последней буковки, милочка. Вас это удивляет. Сомневаюсь, что вы встречали такое чувство долга и преданность где-то там. – Эдит подняла руку, словно отмахиваясь от всего мира. – Но в Красном Доме такие качества ценят. Я хранитель его наследия, милочка. Это последняя миссия, которую он на меня возложил. Всю жизнь служить его гению – огромная честь для меня. Сомневаюсь, что вы способны это понять. Хотя я вас за это не

виню.

– И, в соответствии с его распоряжениями, композиции должны находиться в жилых комнатах первого этажа. Если не считать служебных помещений, здесь в каждой комнате хранятся его ранние работы. Предстоит так много осмотреть. Составить опись. Надеюсь, у вас есть время, мисс Говард.

– Ранние работы?

– Он, милочка, переключился на другие темы. А эти работы стал считать пустяками. Полагаю, только мамина сила убеждения не дала ему уничтожить их все, когда Англия объявила войну Германии в 1939 году.

Кэтрин смотрела в потолок и вновь представляла себе несметные сокровища, таящиеся в каждой комнате, где сам воздух был пропитан нетронутой, идеально сохранной стариной.

– Неизменность, – пробормотала она. – Во всем доме ничего не изменилось.

– А с какой стати мы стали бы что-то менять? К тому же это запрещено.

– Запрещено?

Эдит не стала отвечать.

– Отвезите меня к лифту, пожалуйста. Мне пора отдыхать. Мод проводит вас к выходу.

– Да, конечно. Могу ли я… Могу ли я снова побывать здесь? Пожалуйста…

– Не знаю. – Выдержав дразнящую паузу, Эдит добавила: – Возможно, с вами свяжутся.

– Хорошо. Я буду ждать. И спасибо вам. В смысле, за то, что показали. – Кэтрин никак не могла собраться с мыслями. Они вспыхивали в голове и тут же сходили на нет, исчезали, и она вновь смотрела на крысиную морду в грязи, с пастью, разинутой в крике. Но если Эдит говорит правду, весь дом – безупречно

сохранившийся особняк в стиле готического возрождения времен середины царствования королевы Виктории, аутентичный до последнего винтика. Возможно, лучший образец такого дома во всей Англии. К тому же, он полон предметами старины в идеальном состоянии и творениями самого Мейсона ценой в миллион фунтов.

Она не могла себе представить, чтобы «Слава» ушла с молотка меньше чем за двести тысяч фунтов. Плюс сотня за «Газовую атаку». А на первом этаже дома заперты еще две диорамы, посвященные Великой войне. А еще были куклы. Куклы работы самого Мейсона, про которые она слышала. Да, они не продавались, но неплохо было бы хоть взглянуть на них и убедить Эдит устроить выставку – если, конечно, искусство ее дяди в их изготовлении могло хоть приблизительно сравниться с тем, что он проделывал с крысами.

Кэтрин вновь задалась вопросом: а почему, собственно, она здесь – словно произошла какая-то ошибка, и ее приняли за кого-то другого, и пока не поздно, ей нужно признаться, что она самозванка. Ее трясло, она не ощущала собственного веса то ли от возбуждения, то ли от нервной встряски, непонятно. Одежда липла к телу – такая жалкая, такая дешевая. Все в ней было здесь неуместным. Она была здесь не в своей стихии. Она не из шустрых девиц, не умеет цепляться за возможности… Кэтрин прикусила губу и прекратила самобичевание.

– Мисс Мейсон? – внезапно решилась спросить она, когда катила кресло по темному коридору к красноватому отсвету далекого холла. – А ребенок – это кто?

Эдит некоторое время молчала, будто не расслышала.

– Ребенок?

– Да. Возле окна. Я кого-то видела, прежде чем войти в дом.

– Что? – огромная напудренная голова повернулась. – Никакого ребенка нет, – добавила Эдит, словно Кэтрин сказала что-то донельзя глупое человеку пожилому и раздражительному, что, собственно, вполне могло быть именно так. Особенно если у окна была Эдит. «Но это же невозможно».

– Кажется, этот кто-то карабкался…

– Карабкался? Да о чем вы? Здесь только я. И Мод. И, как вы можете убедиться… – она разжала хрупкие, обтянутые перчатками ладони, словно указывая на кресло-каталку.

– А в комнате…

– О чем вы говорите? В какой комнате?

Они добрались до холла.

– В комнате со «Славой». Там был шум. Звук. И я подумала…

– Птица? У нас птицы во всех дымоходах. Никак их выгнать не можем. – Эдит подняла свой маленький колокольчик и принялась им слабенько трясти.

Кэтрин наклонилась, желая помочь ей.

– Оставьте!

Где-то в глубине Красного Дома открылась дверь, и Кэтрин узнала шарканье старых, усталых ног Мод.

После того как Мод пристроила Эдит с ее креслом в лифт, что сопровождалось множеством замечаний и указаний, совершенно излишних, по мнению Кэтрин, и когда Эдит и ее кресло начали неспешный, но шумный подъем, хозяйка в последний раз взглянула на Кэтрин маленькими глазками в обводах красных век.

– Напомню вам, чтобы вы ни словом не обмолвились о том, что видели внутри этого дома. Это частная собственность, вещи пока еще принадлежат нам. Посетители нам не нужны.

Кэтрин не терпелось добраться домой и рассказать все Майку.

– Конечно. Визит сугубо конфиденциален.

Эдит продолжала смотреть на нее с неприятной напряженностью. Кэтрин перевела взгляд на Мод, но та смотрела сквозь гостью – взор экономки был направлен на вестибюль перед входной дверью.

– До свидания, – воззвала Кэтрин к удаляющейся фигуре Эдит Мейсон, трясущейся на дребезжащем подъемнике. Ответа не последовало. – И еще раз спасибо.

Мод молча проводила Кэтрин до выхода. Большую часть времени, что она провела в этом доме, ей хотелось бежать отсюда, теперь же прорезалось отчаянное желание остаться и увидеть больше. Да, здесь над ней поиздевались, но и раздразнили любопытство.

На пороге Красного Дома экономка бросила быстрый взгляд через плечо в сторону вестибюля, откуда доносились скрипучие звуки подъемника. И, не глядя на Кэтрин, Мод схватила ее руку и вдавила свои крепкие мужские пальцы в ладонь Кэтрин, оставив там клочок бумаги.

– Нет-нет, вовсе не обязательно… – обратилась Кэтрин к захлопывающейся двери, решив, что экономка подала ей на чай, как коммивояжеру. Она не удивилась бы, узнав, что два таких чудака, живущих вне общества и времени, по-прежнему блюдут такой обычай, но когда она наклонилась и подобрала бумажку, выпавшую из руки на плитку крыльца, она увидела, что это не деньги, а скомканный обрывок оберточной бумаги.

Из-за массивной двери донеслось приглушенное, но истеричное дребезжание колокольчика.

Кэтрин подняла бумажку, покрытую жирными пятнами, расправила, перевернула. Там корявыми большими буквами были нацарапаны три слова: НИ ВЗДУМАЙ ВИРНУТСЯ.

Глава 11

Она дважды влетала колесами в колдобины, будто заснула за рулем. Даже вечер не наступил, а ее поездка домой напоминала езду в темноте по знакомому маршруту. Ее сознание было переполнено тем, что она увидела в этом уникальном доме. Да и свое место в мире она осознавала как-то смутно, как будто возвращалась в прежние места, где ее больше не помнили.

Мир за пределами лугов Красного Дома предлагал ее воображению только пресное и временное. Город, в который она возвращалась, казался предсказуемым и не оправдывающим ожиданий. Аналогичные чувства вызывал когда-то Британский Музей, когда она проводила там воскресные дни, чтобы не торчать в убогих комнатушках, которые она снимала в Лондоне.

Чтобы приспособиться к виду автострад, заправочных станций и садоводческих магазинчиков возле Вустера, ей потребовалось сознательное усилие. Надо было срочно перестать воспринимать эту местность как нечто чужое и незнакомое – а то, что она увидела и пережила в Красном Доме, этому отнюдь не помогало.

Воздействие странного дома и ощущение собственной неуместности в его стенах самым неприятным образом смешивалось с воспоминаниями о ее детской отчужденности в Эллил-Филдс. Чувства, которые она не хотела пробуждать, снова терзали ее сердце. Приближаясь к Херефорду, она даже подумала вовсе не возвращаться в Магбар-Вуд и расположенный по соседству Красный Дом. Пыталась придумать, что скажет Леонарду в свое оправдание. В приступе тошнотворной паники, вызванной защитным инстинктом, подавлять который ее научили психотерапевты, она на мгновение подумала: а не убежать ли куда-нибудь в совсем новое место и не возвращаться. Но остались ли такие места?

Она припарковалась возле своей квартиры в Вустере, вышла из машины – все это напоминало пробуждение от глубокого сна, в котором осталась часть ее существа. Ей пришлось буквально собрать себя заново, прежде чем просто вылезти из машины. А оказавшись в квартире, она с большим трудом преодолела отвращение к собственной мебели и вещам.

На протяжении всего визита в дом Мейсонов ей было не по себе, она теряла дар речи то от ужаса, то от восхищения. Но уходила она преисполненная желания вернуться и увидеть больше. Пока Мод не передала ей записку. Записка запустила реакцию.

Кэтрин оставила ее в сумочке. Ей не хотелось вновь видеть этот почерк. Это был почерк шпаны. Корявый, грубый, призванный огорчить, вывести из себя, застрять в сознании надолго, когда виновные давно уже сбежали с места преступления. Она покажет записку Эдит. Или не надо?

Возможно, записка не означает ничего, кроме злобной неприязни к чужаку, вторгшемуся на заповедную территорию? Не исключено, что Кэтрин восприняли как некий вопиющий и кошмарный сигнал из «там, снаружи», как тварь, прокравшуюся в дом, чтобы одурачить старую даму. Или записка служила предупреждением об опасности? Но какой? Исходящей от девяностотрехлетней женщины?

«Некогда сейчас этим заниматься».

Умом Кэтрин понимала, откуда берется это навязчивое, саднящее ощущение воображаемой травли. Бывают дни, когда все что угодно становится спусковым крючком для паранойи. Она выскочила из иррационального потока мыслей, прежде чем он успел подхватить ее рассудок и потащить по камням и порогам со скоростью горной реки. Предстоял аукцион, чреватый напряжением сил, ожиданиями и необходимостью продемонстрировать такой высокий класс, до которого она может и не дотянуть. А еще придется вести дела с очень сложным персонажем. Этого не избежать. Записка Мод задачу явно не облегчала, да и посещение Красного Дома трудно назвать рядовым событием. Так что неудивительно, что она сама не своя, сбита с толку. «Только и всего. Расслабься. Не накручивай себя».

Майку тоже не нравились эти ее настроения. Он считал, что она ему «нервы мотает». Упражнения, рекомендованные последним терапевтом, помогали, однако требовалось приложить усилия. Но именно радостное волнение от предстоящей встречи с Майком помогло ей наконец акклиматизироваться в мире, из которого она полностью выпала, шагнув на дорожку перед единственным и неповторимым домом М. Г. Мейсона.

Джоан Баез на стерео, бокал охлажденного шардоне на туалетном столике. Юбка-дудочка и атласная блузка от Карен Миллен, новые чулки с шовчиком от «Ажан-Провокатер» – подарок Майка на день рождения. Стиль ретро, почти винтаж. И Кэтрин вдруг поняла, что, нарядившись таким образом, она, похоже, старается уцепиться за ту ниточку, что тянется за ней от Красного Дома.

Хотя загадочности и элегантности в доме было в избытке, он отнюдь не грел душу. А вот профессиональные перспективы, которые открывал аукцион, грели. Очень даже грели. Если все время держать эту мысль в голове, у нее все получится. И она со злорадством представила себе возмущенные лица бывших коллег, этих стерв из Сохо с канала «Не кантовать». Если Эдит наймет ее, об аукционе напишут в нескольких воскресных приложениях, в модных журналах, покажут на национальных новостных каналах. «Не кантовать» в полном составе приползет к ней на коленях, будут умолять сделать документальный фильм о сокровищах Мейсонов. Кэтрин Говард, отщепенка, которую шустрые девицы выжили с работы и из города, будет улыбаться им с разворотов глянцевых страниц и с экранов телевизоров, блистая на ток-шоу местных каналов. «Пропавшие сокровища М. Г. Мейсона, героя войны, выдающегося таксидермиста и кукольника, представляет оценщик и аукционист Кэтрин Говард из фирмы Осборна. Красный Дом. Сокровища…»

Для каталога она организует правильное освещение комнат Красного Дома, чтобы запечатлеть их наилучшим образом. Фотографировать мог бы Майк. Бог свидетель, работа ему нужна, да и взбодриться не помешало бы. Надо подумать об оформлении каталога, но первым делом – пресс-релиз. В субботу она встанет пораньше и приступит. Нет, сначала она составит проект контракта. Если получится это провернуть, в будущем ее ждет новая машина, и она сможет купить собственную квартиру в жилом комплексе для молодых специалистов, с видом на реку, а может быть, и домик в Хэллоу.

«Попридержи коней».

Она посмотрела на себя в ростовое зеркало у изножья кровати. Выглядела она хорошо. «Эта мушка – не перебор ли?» Эдит пришла бы в ужас при виде ее алой помады серии «Kiss me», а Мод скривила бы физиономию на яркую крем-пудру поверх бледной кожи. «Фик-фок и сбоку бантик», – так дразнили девчонок с макияжем в ее средней школе в Вустере. Зато помада красная! Кэтрин распустила волосы – и сама себе напомнила куклу.

Глава 12

– Ты не поверишь. Если она даст нам разрешение все сфотографировать, комнату за комнатой, у тебя может получиться выставка. И книга, о которой ты всегда мечтал. А котята! Я тебе про котят говорила?

«Он вообще слушает?»

Майк был бледен, да и причесаться не удосужился, но она приказала себе молчать на эту тему. Даже пребывая в хорошем настроении, он не переносил критики в свой адрес. Возможно, он думал об их утрате. Возможно, пришла его очередь сидеть надутым и отрешенным. Безучастным ко всему, и ничто не могло сейчас высечь из него хоть искорку интереса. Теперь, когда она пробудилась к жизни, может быть, настала его очередь впасть в спячку.

– Милый, да что с тобой?

Он нашел ее глазами, потом отвел взгляд, уставившись на стол, в свою пивную кружку, которая на фоне ее наряда смотрелась весьма неэлегантно. А наряд он заметил сразу, как она вошла, и отчего-то внезапно напрягся. Впрочем, тут же отключил внимание.

Майк ждал ее, явившись раньше положенного, что было ему несвойственно, и от него несло пивом. Начал пить без нее.

– Устал, – проговорил он еле слышно.

Он выдохнул, нервно переплетая пальцы, потом спрятал их под столом. «Усталость» его тянулась больше месяца.

Ее глаза смотрели ему в лицо с немым вопросом. Он не глядел на нее. Что-то происходило. И она увидела его в первый раз за всю неделю. Он был «занят», но чем? Он же сидел без работы. Лишь выпалив на одном дыхании свой монолог о Красном Доме, прерываемый лишь судорожными глотками вина, она обратила внимание на выражение его лица. Ее начало заносить, и нужно было притормозить.

А выражение его лица было ей незнакомо. Вороватое какое-то. Он постоянно прикусывал нижнюю губу, отчего та покраснела. Он полуприкрыл веки, словно

защищая ее от безумного напряжения, таившегося под ними. Она испытала легкое потрясение, когда осознала, что не видела Майка таким уже очень давно. Должно быть, опять весь день курил коноплю в своей задрипанной комнатенке. Но разве он не клялся ей, что прекратил, чтобы повысить шансы вновь зачать ребенка?

Официантка принесла горячее. Майк даже не взглянул на свою тарелку. Кэтрин была голодна как волк, но сдержалась.

– Что? В чем дело? – она потянулась через стол, стремясь коснуться его руки, которую он достал из-под стола, чтобы взять свою пинту, и увидела, что второй рукой, под столом, он вертит мобильный телефон. И когда она вошла, он отправлял сообщение. Кому? – Непросто все… – проговорил он и сглотнул.

– Что?

– Так, ничего.

– Черный перец? – спросила официантка с неловкой полуулыбкой, вызванной подозрением, что за столиком, который она обслуживает, имеет место размолвка влюбленной парочки.

Но между ней и Майком никаких проблем не было. Их связь была сильна как никогда, даже после того, что случилось прошлой зимой. Они обрели друг друга после семнадцатилетней разлуки, словно их воссоединение было предначертано судьбой. Когда-то они были парочкой робких старшеклассников, которые и поговорить друг с другом отважились лишь за три месяца до окончания школы, зато следующие два года любили друг друга со всепоглощающей, переменчивой страстью, будучи нежеланными и неприкаянными чужаками в своих университетах. Пока в один непрекрасный день он не порвал с ней и едва не разрушил ее жизнь. Но два года назад они воссоединились благодаря Фейсбуку, поскольку ту связь, что существовала между ними, не в силах ослабить даже время.

«Я часто думаю о тебе». Он оставил ей сообщение, как только решил разыскать ее и нашел. За первый вечер повторного обретения друг друга они обменялись пятьюдесятью тремя посланиями. Прочтя первое, она тут же снова влюбилась в него. Ключевую роль в этом сыграло слово «часто». Очень скоро Майк стал еще

одной причиной уехать из Лондона – причем ключевой.

От предложенной перечницы Кэтрин отказалась, качнув головой. Из-за напряженной улыбки у нее свело мышцы. Официантка бесшумно удалилась в своих черных балетках.

– Что-то не так. Дело в?..

Он посмотрел на нее. Покачал головой.

– Нет. Не в этом. Не всегда дело в этом. – Потом Майк огляделся, как будто в первый раз видел этот ресторан при пабе и не понимал, как это он очутился здесь.

Его защитная реакция покоробила ее. Выкидыш стал горем для них обоих, хотя она подозревала, что он так и не смог выразить свое разочарование вслух, чтобы не расстроить ее. Но оно в конце концов выплеснулось наружу. «Потому что такое всегда становится явным». Ей тридцать восемь, а он хочет стать отцом. Должно быть, раздражение читалось на ее лице.

– Прости. Я не хотел быть жестоким. – Тон Майка не убедил ее в искренности извинений. – Слушай, зря мы сюда пришли. Давай отчалим.

– Но…

– Извини. – Он покачал головой. – Не могу я сейчас это есть. Нет аппетита.

«А интересно, смогу ли я когда-нибудь что-то съесть после того, как он скажет то, что должен сказать?» Она тут же изгнала эту мысль, красной молнией вспыхнувшую в голове. «Стоит раз запретить себе терзаться вопросами, как это войдет в привычку. На самом деле ничего сложного».

– Тогда… – но больше она не смогла произнести ничего. Сдавило горло. Внезапно ей стало плохо.

– Я не спал всю ночь. – В его улыбке не было ни крупицы тепла. – Я даже, блин, плакал. Не хотел, чтобы…

– М-м?

– Слушай, пойдем, а? Ко мне, побудем вдвоем.

Она следила за каждым его словом, будто видела, как они вылетают изо рта. Кровь в жилах остановилась.

Но это было совсем не то, чего она так боялась услышать. Сейчас они поедут к нему, и он выкурит косячок, и закончится все постелью. Он будет злиться на нее из-за застежек и каблуков. А утром… Утром он разделит все ее восторги по поводу Красного Дома.

– Это неподходящее место.

– Для чего? – вопрос вылетел у нее изо рта, прежде чем она успела запихнуть его обратно. Этими двумя словами она его попросту спровоцировала. Теперь ему будет проще высказаться начистоту.

Так и вышло.

– Я все думал… Ну, об этом… Ох, бля, тяжело… – Он неуверенно улыбнулся, словно ждал от нее поддержки и сочувствия в том, что намеревался сделать. – Ты сегодня роскошно выглядишь, но… Пора с этим кончать. Прости меня. Прости, прости. Меньше всего я хотел огорчить тебя после… Ну, ты знаешь. Но я так больше не могу. Мне так, блин, херово. Ну, нет у меня больше сил. Я про нас. Прости, если можешь.

А потом он встал и, опустив голову, быстрым шагом направился к выходу из зала. На мгновение он остановился, пропуская кого-то в заведение, а потом почти выпал наружу, стараясь побыстрее оказаться как можно дальше от нее.

Глава 13

Пока Майк говорил, Кэтрин казалось, что весь зал умолк, но теперь она слышала звон столовых приборов, да и музыкальный автомат наигрывал что-то знакомое – правда, она никак не могла понять, что именно. Кто-то вдалеке произнес: давайте-ка еще по кругу, но для нее это прозвучало будто бы над самым ухом.

Кэтрин задержала дыхание. Ей казалось, что ее вот-вот вырвет себе же на колени, на чулки с умопомрачительным узором.

– Да плюнь ты на него, найдешь кого получше, – произнес кто-то за соседним столиком, но лицо этого случайного доброхота расплывалось перед глазами, было каким-то нечетким и смазанным.

Зал раскачивался, подобно палубе корабля в шторм, но вскоре мир вокруг нее снова обрел устойчивость. Правда, выглядел он теперь иначе. Теперь ресторан был освещен до тошноты ярко, как какая-нибудь операционная. Кэтрин не могла и рукой пошевелить – все тело сковал паралич. На миг ей почудилось, что она сидит вплотную к дальней стене, вперив взор в ее оштукатуренную белизну. Потом точка обзора как-то резко сосредоточилась на том кресле, в котором она сидела. В горле стоял ком, челюсть отвисла.

Внутри нее бушевал шторм, от начала и до конца состоящий из паники, пока еще слабой, но грозившей затмить ее рассудок целиком и полностью. Изнутри по стенкам черепа будто лупили лапки белесых тараканов. Она услышала собственный всхлип и отстраненно подумала, что вот-вот сползет на пол.

Кэтрин лихорадочно вцепилась в стол. Она вспомнила, как у нее перехватило дыхание, когда Майк позвонил ей после стольких лет молчания. Вспомнила, как озарилась ее жизнь, когда Майк приехал в Лондон, чтобы повидать ее – ничто во всем мире более не имело значения. Перед ней чередой застывших кадров пронеслись те выходные, что они провели в Барселоне, как они напились на майнхедском пляже, как вырядились жокеем и цыганкой на рождественскую вечеринку, как занимались любовью в палатке, разбитой в Озерном краю, как побывали на «Просторе»[8 - «Простор» (англ. Latitude) – ежегодный музыкальный фестиваль, проходящий в английском Гингем-Парке.], как, задержав дыхание, смотрели на полоски, проявляющиеся на тесте на беременность. А вот они сидят рядом на верхушке Вустерского маяка и принимают решение все же рискнуть. Вся ее совместная жизнь с Майком пронеслась перед глазами – и исчезла навсегда. И она поняла, сейчас, в тот самый миг, когда он ушел от нее, что любит его больше, чем когда-либо. Любит безоглядно. Он ушел от нее на самом

пике ее чувств – даже если бы эта сцена произошла после десятка лет совместной жизни, рана, которую он только что ей нанес, была бы менее болезненной.

А эта уже никогда не заживет.

Официантка шепталась с молодым барменом. Они смотрели на нее. Все смотрели на нее. Она неловко размяла одеревеневшие пальцы. Слезы текли по подбородку, падали ей на руки. Больше сюда ни ногой. Накатывали и уходили какие-то дурацкие мысли, а ком все так же стоял поперек горла. Ее закупорило, как бутылку, – она застряла в самой себе и никак не могла выйти из ступора. Боль острым льдом полоснула по нутру. Удивительно, но жалость к себе на краткий миг вознесла ее над всем этим кошмаром, даруя мимолетную эйфорию.

Кэтрин бросила на стол две мятые двадцатки. Хорошо хоть, что наличные с собой. Одна мысль о расплате картой чуть не повергла ее в панический смех. Ага, конечно. Вот этими вот дрожащими руками – и давить на кнопочки на терминале? Увольте.

Она понимала, что не сможет пройти через зал к дверям на своих высоких каблуках. Как будто мало было унижений за столом. Вселенная хочет, чтобы она встала на четвереньки и рыдала. Какие-то любопытные незнакомцы ухмылялись, глядя на нее.

За что?

Потому что он нашел себе кого-то еще. Ты напрягаешь, ты утомляешь, ты пессимистка, ты вгоняешь его в депрессию, ты странная, никто не хочет с тобой водиться, стоит им узнать тебя поближе. Он встретил другую. Он последнее время был какой-то отрешенный. Надо было доверять инстинктам. А ты их подавляла, как болезненную паранойю, и к чему все пришло? Он встретил другую, чтобы завести с ней детей.

Потому что у тебя был выкидыш.

Она шла домой, прижимаясь к холодным кирпичным твердям города, растянувшегося, казалось, на тысячу миль, и смотрела на смутный, размытый мир, но ничего толком не видела.

Глава 14

Кое-как доковыляв до спальни, вцепившись в бутылку с мешаниной из лимонада и водки, Кэтрин рывком задернула шторы. Прямо под ее окном по улице прошла компашка из ржущих мужиков.

Она выпуталась из идиотской юбки – с самого ведь начала было ясно, что в этом невозможно ходить! – стянула с ног чулки, потом рухнула на кровать. Повернулась на бок, чувствуя, как рыдания сдавливают горло.

Внезапный порыв заставил ее взяться за телефон, и она стала прокручивать меню в яростном желании стереть ту папку, где хранились все его сообщения. Надо удалить их здесь и сейчас, чтобы потом не копаться месяцами, а то и годами, выискивая какую-нибудь воображаемую зацепку. Но она не могла справиться с этой чертовой сенсорной клавиатурой – пальцы не слушались. Одно неловкое движение, и телефон упал на пол.

За что он так с ней? У него что, появилась другая? Но кто? Не может такого быть! И так – до сводящей с ума головной боли, до тех пор, пока теории и домыслы попросту не иссякли.

Кэтрин провалялась в кровати дотемна, цедя водку из горла. Когда телефон свистнул, оповестив о новом сообщении, она безо всякой грациозности сползла на пол по куче верхней одежды и белья и подцепила его. Сообщение было от какой-то компании, призывающей ее затребовать компенсацию за неправильно оформленную страховку. Она послала компании в ответ короткое ПШЕЛНАХ, потом снова стиснула зубы, сама не своя от желания написать Майку.

Скажи ему, что снова беременна. Ага, двадцать раз. Молчи. Покажи, что тебе на него плевать.

Она стерла три строчки набранного текста. Даже пребывая в дикой тоске, ощутила отвращение к самой себе, перечитав этот жалкий сварливый бред. Отчаяние сдавило ее сердце – полновесное, тяжкое, беспощадное.

Суньте меня в ящик с котятами. Не хочу, чтоб было больно. Нарядите меня в красивое платьице и откройте мои большие милые глазки, а еще сделайте так, чтобы я никогда-никогда больше не вышла наружу. Во мне уже живой клеточки не осталось. Больше боли я не снесу, я просто исчезну.

Она попыталась встать и побежать на кухню – к ножницам с оранжевыми ручками из пластика. Но ноги ее не слушались, Кэтрин чуть не упала.

– Уродина жирная, – сказала она себе. Вот так вот, ее опять поставили на место. А место ее известно где. Пришла пора обкорнать себя до самой сути. По крайней мере он поймет, почему она так поступила с собой.

В следующий миг она осознала, что стоит босиком на холодном полу кухни и сжимает в руке ножницы, так и прыгнувшие из ящика у раковины. Острия коснулись кожи на животе. Она с ужасом уставилась на них. Ну нет, снова на это она не пойдет… Но отчаянное, мерзкое желание наказать себя было столь велико, что сомкнутые лезвия заходили ходуном вверх-вниз. Она вообразила, как металл входит в нее, глубоко-глубоко, а потом она проворачивает его внутри себя, рассекая все жизненно важные каналы и обрывая мучения собственной бесполезной туши. Желание становилось жгучим, почти что непреодолимым, рука дрожала. Но вторая рука изо всех сил, до белизны костяшек, старалась отвести ножницы в сторону. Инстинкт самосохранения нежданно-негаданно дал о себе знать, и Кэтрин чуть ли не зааплодировала самой себе: ну и ну, подруга, какие-то мозги у тебя еще остались. Она отшвырнула ножницы, и те глухо клацнули о микроволновую печь. В принципе достать их еще можно. Какое-то ужасное, разрушительное начало, живущее в ней, все еще желало самого плохого исхода. Пэтси Клайн, вруби на всю катушку Пэтси Клайн, стрельни в мозги из пушки ради Пэтси Клайн. Ой, да никто ни в кого стрелять не будет, у тебя даже пушки нет, дурочка. Рано сдаваться, надо стараться. Се ля ви – такова жизнь!

Она рассмеялась жутким смехом, потом сползла на пол и стала давиться рыданиями.

Часы на DVD-плеере показывали 6:49. Утро субботы. Она поднялась с пола и улеглась на софу, где и пролежала до вечера воскресенья.

Медленно, постепенно шок отступил, как тенистый прилив, оставив после себя островки грязного ила. Над ними висел серый горизонт. Буря в мозгу сменилась штилем. Было медленно, тошно, монотонно, как обычно бывает, когда принимаешь неизбежное и при этом не можешь заснуть; принимаешь, вымотавшись до предела. Но в принятии есть некоторое облегчение. С ним ты быстрее погружаешься на дно. А достигнув дна, начинаешь вдруг видеть все отчетливо таким, какое оно есть на самом деле.

В воскресенье утром она открыла свой внутренний сейф и извлекла каждую папочку для тщательного изучения. К утру понедельника дошла до последней. Вот сколько времени потребовалось для повторного расследования всех обстоятельств. С удивительной ясностью, в подробностях, достойных эксперта-криминалиста, память вернулась к ней – цветным, профессионально озвученным фильмом. Из отсмотренного Кэтрин сделала выводы и авансом отыграла полугодовой курс психотерапии, недавно оплаченный родителями.

Сначала она вернулась в лондонские годы, на вращающийся стул в кассе Музея детства, в прижившуюся тоску, которая стала физической болью, пока ее не сделали помощником куратора. Потом появилась квартира в Волтомстоу с маниакально жизнерадостными девицами, трусившими в полшестого утра, потряхивая блондинистыми хвостиками (а по выходным – блондинистыми гривами до плеча) на пилатес и тренажеры. Знакомство с ними дальше вежливого обмена банальностями не зашло.

Она смотрела, как стерва из издательства, специализирующегося на антиквариате, поставила крест на ее надеждах, украв идеи для двух книг. Она вновь увидела жирного, похожего на грушу коллегу, который дважды безуспешно подкатывал к ней, пока она не ушла на должность младшего партнера в аукционный дом, сняв комнату в Килберне за пятьсот фунтов и решив во что бы то ни стало прожить на оставшиеся от зарплаты три сотни.

Потом были два пропащих года в аукционном доме и тяжелый разрыв с мужчиной значительно старше ее. Она не смогла полюбить его, а он попытался задушить ее, когда она порвала с ним.

Далее последовали два года на частном телеканале «Сокровища старины» и год в условиях изоляции и злобы, исходящей от сплоченной своры шустрых девок, одетых как фанатки Кейт Мосс. Она и сейчас желала им всем сдохнуть в муках.

Когда ее воспоминания дошли до инцидента с одной из них, предводительницей этой своры, она включила быструю перемотку, минуя последовавший за инцидентом кризис, из-за которого родителям пришлось приехать и забрать ее, хотя они были в отпуске в Португалии, и полгода на антидепрессантах в своей же детской комнате, прямо тут, в добром старом Вустере. Не получилось сладить с собой, пришлось родителям забрать тебя домой, в тридцать-то шесть лет.

Зато был Майк. Когда она вернулась домой в Вустер, он был там, словно ждал именно ее. Он удержал ее, оттащил от края пропасти, к которому она шла семимильными шагами.

Она потихоньку мирилась с перспективой стать риэлтором, но тут случайно встретила Леонарда, специалиста по игрушкам, и обрела работу мечты, став оценщиком в Литтл-Малверн. К тому времени ей стукнуло тридцать семь, и дела, казалось, пошли на лад. Она нашла себе квартиру, у нее хватало сил там жить. Она никогда не была так счастлива. Никогда.

Выкидыш. Быструю перемотку, ради всего святого.

Она прижала руки к лицу и стала медленно, ритмично стонать. Тушь двухдневной давности окрашивала ее щеки черным.

Снова одинока. Бездетна.

Она вернулась в спальню и не выходила оттуда до утра среды. Время от времени она засыпала, но каждый раз просыпалась с отвращением. К полудню она снова решила умереть, но намерение быстро стухло.

После того как она сказалась больной, пришло восемь сообщений от Леонарда. При звуках его доброго голоса она разрыдалась пуще прежнего. Старик в инвалидном кресле, с плохо сидящим париком, был ее единственным утешением… Пусть и очень слабым.

В среду днем с ней произошел случай из тех, что в последний раз имели место еще на первом курсе университета: она впала в транс. В то состояние, что начало находить на нее со дня, как исчезла Алиса Гэлловэй.

Выйдя из транса, Кэтрин поняла, что лежит на софе – в той же позе, в какой, насколько она помнила, находилась, когда была в сознании. Рот и подбородок были липкими от крови.

На противоположной стене комнаты четко проступили экран телевизора и постер «Марионетки Ренессанса» из музея Виктории и Альберта. Солнце больше не светило сквозь тюлевые занавески. Снаружи сгустились сумерки, окрасившие ее неосвещенное жилище в сине-серые тона. Звуки машины, давшей задний ход, и дальний звон тележки с мороженым сменились тишиной.

Ее кожа, натертая о ткань софы, горела, трусы на бедрах были мятыми и влажными. Кэтрин лежала без движения, пока не утихли приступы тошноты. Если она сейчас попробует встать, как пить дать упадет.

Черное небо над лугом. Пластиковый сборщик милостыни перед кондитерской лавкой. Дети, рядком стоящие на холме, над ними быстро летящие облака. Мальчик с раскрашенным деревянным лицом. Ярко-красные розы в мерцающем золотистом воздухе.

Некоторые образы меркли, когда она силилась вспомнить последние фрагменты транса. Другие сияли так, словно прошлое было вчера, они восстали из укромнейших уголков ее памяти, из тех ее схронов, где то, что она считала воспоминаниями, превращалось в сны, а то, что считала снами, – в воспоминания.

Транс случился с ней в последний раз воскресным вечером в родительской оранжерее. В тот день она вернулась в реальность с поникшей головой и подбородком, мокрым от крови и слюней. Тогда были летние каникулы перед вторым курсом. Ей было девятнадцать, вроде как. Так что у нее был первый транс за девятнадцать лет.

Кэтрин сидела в полном шоке, парализованная самой мыслью о том, что не просто дремала и видела сон, а была насильно втянута в его омут. Все вернулось. Снова.

Глава 15

Проволока, обтянутая темно-зеленым пластиком. Забор высокий, не перемахнешь. Проволока натянута ромбами, и она просовывает в них пальцы. Можно и руку целиком – правда, когда будешь тянуть назад, большого пальца не досчитаешься. Однажды рука застряла, она изо всех сил тянула ее на себя и в итоге содрала кожу.

Она не заметила, как в поле зрения появились дети. Они, скорей всего, просто уже были там, в заброшенной школе, над их с Алисой берлогой. Затылком она запоздало ощутила, что за ней следят, и посмотрела на то место между двумя зданиями, где трава и сорняки были ей по колено.

Некоторые из детей были меньше нее, другим было по восемь-девять лет. Постарше. Стояли группой, впереди всех – мальчишка-оборванец, а рядом с ним девочка в старой шляпе. Такая шляпа была у одной из ее кукол, у Элли, и бабуля называла ее «капор». Шляпа была похожа на тоннель вокруг тряпичного личика Элли.

Вокруг детей из спецшколы – и выше, на травянистом склоне, – воздух шел легкими волнами, как это бывает в сильную жару, когда приходится весь день сидеть в тени.

Она не запомнила их облика. В памяти остались лишь самые примечательные детали – грязные волосы мальчишки, заплаты на его костюме, ортопедические скобы на ногах; платье и причудливая шляпка девочки.

Дети из спецшколы взирали на нее с опаской, и она не менее настороженно смотрела на их темные и неровные силуэты. Если бы это была шпана из Филд-Гроув, она, даже несмотря на защищающий ее забор, со всех ног бросилась бы домой, не дожидаясь, когда ей в голову со свистом полетят камни. Но те, другие, дети, никогда не бросали камней.

Только оборванный мальчишка подошел к забору. К той его части, где зеленая проволока провисала, а у одного бетонного столба и вовсе размоталась. Точнее, где она расплела ее, звено за звеном, своими маленькими ручками, от проржавевшего низа и доверху.

А Алиса сидела и смотрела, как Кэтрин расплетает проволоку. Лучше не надо, Киффи. У нас будут неприятности. Нам нельзя. Но еще Алиса спросила, когда снова появятся дети из спецшколы.

Как только подруга услышала о детях из спецшколы, она поверила рассказам Кэтрин. Алиса не нуждалась в доказательствах, она желала того же: бежать отсюда. У них не было других отрад, кроме совместных приключений.

Кэтрин, видя, как разматывается проволока, решила не останавливаться, – и в конце концов ее стараниями в заборе появилась дыра, в которую вполне мог протиснуться ребенок.

После исчезновения Алисы она только один раз сходила к «берлоге». В самом конце летних каникул, прежде чем ее семья переехала. Их убежище было разрушено, а забор у реки отремонтирован. И в тот день она прибежала домой в слезах и сказала, что видела Алису, чем довела маму до слез, и Кэтрин выпороли, хоть она клялась и божилась, что видела Алису на холме, что это не выдумка.

И ведь так и было. Алиса была на холме, и она сказала: «Идешь в большой дом, Киффи? С нами, Киффи? Они зовут».

Она так и не узнала, что так сильно расстроило маму, рассказ об Алисе, или то, что она снова пошла в «берлогу». Пришла полиция и мама Алисы, и Кэтрин повторила свой рассказ, и мама Алисы расстроилась даже больше, чем ее собственная. Кухня была полна плачущих женщин, а одна даже не могла встать.

И еще она не заметила, как дети оставили пластиковый мешок. Как-то раз, когда она пошла в «берлогу» одна, мешок с монетками просто лежал там. Это было незадолго до исчезновения Алисы. Кэтрин тогда испытывала радостное облегчение – наконец-то закончился школьный день! – но была еще бледной и усталой от мучений этого дня.

Полуфунтовые и десятипенсовые монетки она оставила себе, но остальные были либо слишком старые, либо иностранные. Их забрал отец, когда обнаружил в своем сарае, где она спрятала монетки. Когда ее спросили о них, она соврала. Но ведь найденные монетки были реальными – ведь папа их тоже видел.

С самого детства ни одной такой не видел. Папа внимательно рассмотрел монетки, которые, как она точно знала, не приняли бы в киоске.

В своем трансе она четко ощущала запахи сарая – скошенная трава, смазанный металл, свежая древесина, креозот. А отец снова разговаривал с ней, как если бы она действительно перенеслась туда, в 1981-й.

А потом она оставила печенье на пластиковом подносе от своего чайного сервиза для детей из спецшколы – по их сторону забора. Поднос и печенье они забрали, но оставили металлические ложки, на вид еще более старинные, чем те, что бабуля хранила в буфете рядом с графином хереса. Кэтрин завернула старые ложки в носовой платок.

Вонючка Кэти Говард, вонючка Кэти Говард. Где твои родители? Они умерли?

И это она тоже услышала в своем трансе. И увидела трех девчонок из начальной школы, что учились классом старше. Каждый день на протяжении трех недель они поджидали ее за школьными воротами, пока мама не пришла в школу и не поговорила с учительницей про клок волос, вырванный из головы дочери.

Оборванный мальчишка подошел к забору лишь через день после того, как она случайно услышала разговор родителей о переводе ее в новую школу. Из-за издевательств. Она видела размытые силуэты приемных родителей через матовое стекло прихожей. Мама плакала.

В воскресенье она просидела в «берлоге» весь день. Холодина была такая, что она перестала чувствовать стужу. Она дрожала, смотрела через забор на пустые кирпичные домики и молила, чтобы дети вернулись. В тот день она была одна, потому что Алиса поправлялась после операции на ноге.

Отчаявшись дождаться детей, она уставилась в землю между ботинок, раздумывая, как бы вообще не ходить ни в какую школу. Она подняла взгляд, лишь когда почувствовала, что больше не одна.

Их шаги по длинной мокрой траве по ту сторону забора были совершенно бесшумными, и даже краем глаза она не уловила никакого движения. Но она посмотрела вверх и увидела, что оборванный мальчишка стоит в траве ближе к забору, чем к зданиям спецшколы. В отдалении, выстроившись ломаной линией,

застыли другие дети.

Прежде она не видела никого из них так близко. Лицо мальчишки было круглым и нарисованным – или он носил маску? Его маленькое тощее тело было облачено в темный неряшливый костюм, наподобие тех, что она видела в книжке детских стишков. Все лицо – как одна сплошная улыбка. Он махал ей тонкой белой ручкой, торчащей из тесного рукава.

Белая рука, белые зубы, белая рука, белые зубы, белые глаза… В такой близости от мальчишки у нее закружилась голова. Его волосы были как густая черная швабра, как девчоночий парик. Кэтрин встала. Вдалеке девочка в странной шляпе подняла обе тонкие ручки в идущий волнами воздух.

Воспоминания вернулись за ней, захлестнули волной. Она даже смогла почувствовать запах стоячей воды из речной ложбины. Как такое вообще возможно?

В первой половине жизни ей говорили, что она всегда возвращалась из транса в реальность с открытым ртом. При этом отмечали отсутствующее выражение лица и потерянный взгляд. Все это родители рассказывали врачам, а она в это время сидела на пластиковых стульях в поликлиниках, больницах, приемных. Тогда она впервые услышала описания своих эпизодов.

Учителя в новой школе только добавляли подробностей в то, как она выглядит, когда полностью отрешается от мира. Дети в новой школе подкрадывались к ней и стояли кружком под деревом в нижней части школьного поля, дожидаясь, тогда она проснется. Она очнулась, вся в листьях, ветках и мусоре, которыми они осыпали ее голову и тело. А однажды она проснулась с мертвой улиткой за резинкой трусов.

Соседи по квартире и друзья по университету не были столь жестокими. Они думали, что она эпилептичка и подавляли желание дразнить ее – она угадывала это искушение за их полуулыбками. Она сгорала от стыда, когда они рассказывали ей, как она выглядит во время отключки.

В таком состоянии она могла просидеть на школьном собрании, кинофильме, в междугородней поездке и не помнить, что происходило, пока она гостила у фей.

Иногда у нее шла носом кровь, и люди пытались ее добудиться. Однажды вызвали скорую, и она пришла в себя возле автобуса, на носилках, завернутая в красное одеяло. В средней школе учителя все время отправляли ее домой.

Врачи пытались дать какое-то точное определение ее болезни. Врачи, которым ее показывали девочкой, утверждали, что тут всего намешано, к такому же мнению склонялись и два специалиста, к которым врачи ее направили. По их мнению, она страдала нарколепсией, кататонией и гипнотическими состояниями одновременно. Она проходила томографии, врачи с пахнущими мылом руками просвечивали ее глазное дно фонариками.

Никто даже не спросил, что, собственно, она видит, когда в отключке. Казалось, другим было куда важнее, как она выглядит.

Отключиться по команде она не могла, хотя в детстве очень хотела. После плохого дня в школе она охотно вернулась бы в любое место, куда попадала в трансе. Если бы у нее был выбор! В своих трансах она испытывала такую сильную радость, что кровь шла из носа, а тело становилось легким, опустошенным.

Трансы случались, когда она уставала, – напоминали сон с открытыми глазами. Иногда они происходили, когда она глубоко задумывалась, но только в состоянии покоя. А всего покойнее она себя чувствовала, уносясь глубоко в себя, прочь от мира.

Ближе к двадцати годам эпизоды почти прекратились. Тогда она погрязла в быту, и никакого убежища у нее не было. Беспокойство, напряжение, отчаяние – этого в изобилии, но очень мало покоя. Отчасти ее радовало, что она либо исцелилась от трансов, либо просто выросла из них. Где бы она ни оказывалась, ей было достаточно сложно вписаться и без обмороков и слюней из открытого рта. Но часть ее существа втайне сожалела, что трансы прекратились. Это было последнее, что связывало ее с Алисой. В вечном белом шуме лондонской суеты эпизоды

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Английский писатель. Уроженец Йоркшира, окончил художественное училище, работал книжным дизайнером и иллюстратором. Автор около сорока детективных, исторических и мистических произведений, из которых наиболее известна повесть «Манящая своею красотой» (The Beckoning Fair One, 1911), считающаяся едва ли не самой лучшей англоязычной «историей о привидениях».

2

Вид кирпичной кладки, при котором на лицевой поверхности каждые два тычковых ряда разделяются двумя или более ложковыми.

3

Имеется в виду красный твердый кирпич из аккрингтонской глины, содержащей окись железа.

4

«Законами об огораживании» называют издававшиеся в Англии в конце XV–XVI вв. законы, направленные против бедняков и малоимущих крестьян. Согласно им, земли последних могли быть отчуждены в пользу богатого землевладельца, а самих крестьян определяли в «рабочие дома», где те становились фактически рабами, работающими за паек.

5

Имеется в виду озерный заповедник в Северо-Западной Англии, основанный в 1951 году.

6

Кэтвизл – персонаж британского комедийного телешоу для детей, злой волшебник, сыгранный Джеффри Бэйлдом, умевший превращаться в воду и путешествовать во времени.

7

Музей Детства Бетнал-Грин, филиал Музея Виктории и Альберта в Лондоне.

8

«Простор» (англ. Latitude) – ежегодный музыкальный фестиваль, проходящий в английском Гингем-Парке.

Купить: https://tellnovel.com/ru/nevill_adam/dom-malyh-teney

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить